

ХАННА РЕЙНОЛЬДС

ЛЕТО ПОТЕРЯННЫХ ПИСЕМ

18+

Ханна Рейнольдс
Лето потерянных писем
Серия «Young Adult. Бестселлеры
романтической прозы»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65773238
Лето потерянных писем: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155916-8

Аннотация

Эбби только что рассталась с парнем, а ее друзья разъехались на все лето. Девушка с нетерпением ждет перемен, и они врываются в ее жизнь: Эбби получает посылку с письмами своей бабушки Рут. Оказалось, что в молодости она вела переписку с молодым человеком по имени Эдвард с острова Нантакет. И Эбби решает отправиться на остров, чтобы разгадать фамильные тайны.

Там, в идиллии песчаных пляжей и морских волн, она знакомится с его невероятно притягательным внуком Ноем. Однако чем ближе Эбби и Ной становятся друг другу, тем больше понимают: прошлое может стать для них настоящей преградой. Жестокая правда угрожает погубить их отношения. И теперь каждому предстоит принять верное решение, чтобы обрести шанс на счастье. Смогут ли они позволить себе любить?

Содержание

Новый Колосс	6
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6	94
Глава 7	105
Глава 8	121
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Ханна Рейнольдс

Лето потерянных писем

© Конова В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Моим родителям, которые твердо в меня верят
и послужили прообразом.*

*Я безмерно благодарна за первое, и, надеюсь,
другие родители вам соответствуют*

Новый Колосс

Эмма Лазарус

Не бронзовый Колосс греков славы,
Победно возвышаться должен
В лучах заката наших врат, омытых океаном,
А женщина с могучим станом
И факелом, огонь в который заточен.
И имя ей Мать Изгнанных. Рука ее – маяк,
Чей свет весь мир приветствует. А мягкий взгляд,
Над гаванью меж двух градусов главенствует.
«Оставьте ваши земли древние,
Прославленные великими легендами, – кричит она
безмолвно, —
А мне отдайте ваш народ, что свободы жаждет вдох,
С полных берегов – изнеможенную, измученную и
бедную толпу,
Шлите мне лишенных крова, бурей гонимых,
Я освещу им путь к двери золотой!»

Глава 1

6 апреля, 1958

Я попытаюсь объяснить.

Сомневаюсь, что у меня получится. Я не привыкла давать тебе объяснения. Может, потому что обычно мы понимали друг друга с полуслова. Я воображаю нас двумя розами на одном стебле. Мы одни против целого мира, окружены иголками и готовы уколоть любого, кто отважится приблизиться.

Но я кое-что осознала: в некоторых вопросах мы всегда будем придерживаться разных точек зрения, потому что находимся в разных обстоятельствах. Ты относишься к своей семье совсем иначе, нежели я, потому что родом из более удачного, более счастливого мира. Иногда я тону в зависти от того, что ты воспринимаешь свою семью как должное.

Я тебя люблю. Страстно. Неистово. Иногда любовь к тебе – единственное, что помогает мне не сдаваться.

Но романтическая любовь не единственное и не самое главное. Я вижу, как на этих словах ты качаешь головой, но... прекрати. Даже если ты не согласен, поверь: я верю в это. Я ценю иные виды любви так же высоко, как и саму любовь. Ты не рыцарь, а я не

твоя дама, и мир не возвращается вокруг нас. Я люблю и желаю тебя, но мои желания и правое дело не всегда совпадают. Раньше тебе не приходилось размышлять об этой разнице (ты и сам это знаешь), но, пожалуйста, подумай сейчас. Я делаю правильный выбор.

Я люблю тебя.

Но своего решения не изменю.

С самого моего детства маме нравилось играть в чудачковатую версию «Что ты выберешь?». Это происходило, когда она забирала меня от моих подруг: от Нико, чья мама пекла пирожные моти¹, или от Хейли, мама которой вязала шарфы. «Ты бы выбрала маму Нико или меня? Ты бы выбрала маму Хейли или меня?» – спрашивала мама.

Даже во время наших самых жутких ссор я понимала, что пересекать эту черту нельзя. Ссоры между дочерью и матерью превратились в своего рода искусство: я знала, как отразится каждый обмен колкостями и куда целиться. Но даже когда я метала слова, что могли пролить кровь, я никогда не делала этот выстрел. Он был уязвимым местом в черепе, водой для Бастинды, не покрытой броней пятой Ахиллеса. Бить в это место можно, только если собираешься убить.

– Тебя, – всегда отвечала я, когда мы уходили с подстриженной лужайки Нико, или спускались с крыльца Хейли, на котором развевался красно-бело-голубой флаг. – Я выберу тебя.

¹ Моти – японский десерт, рисовое пирожное.

Звонок в дверь раздался в самый разгар бури.

По карнизу стучал дождь, практически заглушая звук дверного звонка. По витражам в французских дверях стекали струи воды, отчего дворик и лес превратились в расплывчатые пятна зеленого и коричневого цвета. Март в Новой Англии официально считался весенней порой, но на деле погода стояла холодная, мокрая и темная.

Я сидела на диване, поджав под себя ноги, и читала «Рекбекку» Дафны дю Морье. Из-за готического романа и непогоды я была взбудоражена, несмотря на яркий свет в комнате и кружку с горячим мятным чаем. Родителей не будет дома еще несколько часов – они уехали на общественное собрание, которое в их мире в общем-то можно расценивать как свидание. Мой брат Дэйв остался с ночевкой у лучшего друга. Мама переживала, что оставляет меня дома совсем одну, но я выпроводила их с папой прочь. Родители заслужили выходной. К тому же мне нравилось оставаться дома наедине с собой.

В основном.

Пока я сидела, вжавшись в диван и сжимая в ладонях книгу, снова раздался звонок в дверь, и у меня заколотилось сердце. Никто и никогда не посмел бы попенять мне на здравомыслие («У тебя *немножечко* буйное воображение», – частенько говорил папа, держа указательный и большой пальцы на малюсеньком расстоянии), но, положив руку на сердце, давайте признаем: кто бы не задумался, что звонок в дверь во время грозы предвещает визит серийного убийцы?

Я отказываюсь становиться легкой добычей для своего предполагаемого насильника. Я зашагала к входной двери и, прижавшись спиной к стене, выглянула в окно. На подъездную дорожку медленно въехал грузовик, и свет фар пронзил пелену дождя. К кабине метнулась фигура и быстро туда вскочила. Грузовик сдал назад и резво умчался в темноту.

Ох. Класс.

Тревога утихла, и я открыла внутреннюю дверь в коридор – крохотное холодное помещение, где мы хранили зонты и сапоги. Поджав пальцы, я зашагала по холодному каменному полу. Я быстро отперла входную дверь, и в лицо хлестнул сырой ветер. Деревья перед домом раскачивались из стороны в сторону. На крыльце стояла промокшая под дождем коробка. Я схватила ее и вернулась в дом, заперев обе двери и отнеся коробку в гостиную.

Доктору Карен Коэн, 85 Оук-Роуд, Саут-Хэдли, Массачусетс, гласил адрес.

Маме.

Отправитель: Чедервуд-Хаус.

Теперь понятно. Из дома престарелых недавно сообщили, что отправят коробку с вещами бабушки, найденную во время уборки в ее шкафу. Я могла дожидаться, когда мама вернется домой, и открыть вместе с ней. Так бы и поступила менее любопытная и более вежливая дочь.

Или...

«Получила коробку с бабушкиными вещами. Сообщу, если в ней хранятся тайные сокровища», – написала я.

Я разрезала скотч ключом из ящика со всяким кухонным барахлом. Коробка распахнулась, открыв поспешно написанную записку из дома престарелых и сверток в коричневой бумаге. А вот теперь я засомневалась. Этот перевязанный бечевкой пакет принадлежал бабушке, и она упаковала его задолго до того, как о нем позабыли. Я осторожно потянула за хрупкий узел, а потом развернула обертку. Прямо посередине лежало настоящее сокровище – пачка конвертов, все на имя Рут Голдман. Девичья фамилия бабушки.

Меня охватило сильное любопытство. Внутри могла оказаться куча интересной информации. Мы очень мало знали о жизни бабушки, особенно о ее жизни до встречи с дедушкой. Рут Голдман вместо Рут Коэн. Кем же она была?

Я опустила на колени на пол гостиной и веером разложила конверты, восхищенно глядя на плотную пергаментную бумагу и чернила, пропитавшие тонкое бумажное полотно. Примерно пятьдесят конвертов, на которых был ука-

зан адрес – Нижний Ист-Сайд.

Но на конвертах не было обратного адреса.

Я взяла первый и вытащила письмо. Бумага была исписана аккуратным наклонным почерком.

Моя дорогая Рут. До сих пор не могу поверить, что ты уехала. Я постоянно смотрю в окно в надежде, что к дому подъедет машина, а ты выйдешь и скажешь, что совершила ошибку. Пожалуйста, возвращайся поскорее домой.

«Дедуля», – подумала я, хотя стиль письма совсем не подходил на хрипловатый голос моего веселого дедушки-немца. Я скользнула взглядом в правый угол. Первое июня 1952 года. Бабушке было тогда восемнадцать. На год старше меня.

Я перевернула письмо в поисках подписи. *С любовью, Э.* Дедушку звали Максом.

Я открыла второе письмо.

Моя дорогая Рут.

Минуло слишком много времени с нашей последней встречи. Вчера я гулял по саду и, увидев розы на трельяжной сетке, вспомнил об украдкой сорванных поцелуях. Теперь я даже смотреть не могу на лоджию, не вспоминая, как по ней ходила ты...

Ого. Самое романтическое письмо, которое я получала, было сообщением от Мэтта в прошлом году: *«Бал выпускников: Да/нет?»*

Неудивительно, что отношения с ним изжили себя.

Я отправила маме фотку писем с кучей текста.

Я: Оказалось, что в коробке ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА. От какого-то парня с именем на «Э». Как думаешь, может, до встречи с бабушкой у бабушки была величайшая любовная связь?

Наверное, мама поставила телефон на вибровзвонки, потому что тут же ответила.

Мама: Что ты подразумеваешь под любовными письмами?

Я: тут прямо настоящий высокопарный слог. Они начинаются как «Моя дорогая Рут».

«Минуло слишком много времени с нашей последней встречи»

!!!

Мама: Может, тебе не стоит их читать?

Я: ха-ха-ха

Мама: Дождись меня!!!

Я: извини, нет. Перешлю тебе самое интересное.

Мама: *от кого они*

Серьезно, у мамы ужасное понимание прочитанного и ужасная пунктуация. Для чего мне ходить в школу, если взрослые не умеют писать?

Я: *понятия не имею, от какого-то парня по имени Э. Пошла читать дальше, занимайся взрослыми делами.*

На улице хлестал дождь, а я дома с головой погрузилась в чтение писем. Письма Э. ясно давали понять, что бабушка переехала в Нью-Йорк и полюбила его, хотя он со скепсисом относился к тому, что кто-то искренне мог наслаждаться этим городом. Мне попадались разные отрывки.

Мою мать не касается то, чем мы занимаемся.

Пекарня, Рут? Ты уверена?

Он писал о том, что рисовал океан: *«Рад сообщить, что мои попытки повторить Моне стали сносными, хотя сомневаюсь, что мне с точностью удастся изобразить свет моря, даже если я буду рисовать всю оставшуюся жизнь. И все же не беспокойся, я обязан не ударить лицом в грязь. Чердак так и ждет, когда его забьют моими жалкими потугами».*

Но чаще он говорил, что скучает по ней. Он писал, что скучает по ней в саду, на пляже, в беседке. Его словно охва-

тили сотни воспоминаний о ней. Он писал: *«Без тебя Нантакет больше не похож на Нантакет»*.

Нантакет.

Это название воскресило в памяти островок у Кейп-кода. Кейп – это изогнутая ветвь национального побережья и небольших городков к югу от Бостона. Но Кейп и острова были типичным местом отдыха для семей из Массачусетса, а бабушка большую часть жизни прожила в Нью-Йорке. Когда она успела побывать на Нантакете?

Я нетерпеливо перескочила к последнему письму. Да, я была из тех, кто иногда начинает с чтения последней страницы книги. Обо мне нельзя было сказать, что я хорошо борюсь с любопытством. Письмо было коротким и оказалось датировано третьим мая 1958 года, почти через шесть лет после первого.

Я не стану отправлять ожерелье почтой. Если хочешь его забрать, возвращайся в «Золотые двери» и поговори со мной.

– Э.

И, проклятье, Рут, не смей говорить, что дело не в твоей чертовой гордости.

Меня охватило удивление. Что произошло? В какой момент в эти романтические письма просочился гнев?

Сама виновата, стоило читать по порядку. В надежде получить объяснения, я открыла предпоследнее письмо.

Разве нельзя поговорить об этом лично? Телеграфист больше не соединяет с тобой. Ты слишком гордая, а зря.

Боже, телеграфист. Какая древность.

В предыдущем письме:

Рут, ты ведешь себя нелепо. Я сяду на следующий паром до материка.

Не делай глупостей, пока я не доеду. Я люблю тебя.
Эдвард

По затылку побежали мурашки. Опустив письмо, я уставилась на французские двери. Дождь утих и перестал размыывать лес, который виднелся из нашего заднего дворика. Высокие дубы и сосны устремились в небо, их стволы почернели от влаги. В этом году зима стояла суровая, и даже сейчас, в середине марта, мне с трудом представлялось, что в ближайшем будущем я снова почувствую тепло. Мне с трудом представлялась и бабушка в восемнадцатилетнем возрасте. «Ты слишком горда», – утверждал автор письма. Разве бабушка была гордой? Элегантной, да. Умной, пытливой и немного грустной, немного придирчивой. Но гордой?

Хотя откуда мне было знать? Я ведь даже не знала, что бабушка бывала на Нантакете. И уж точно не знала, кем ей приходился этот Эдвард, или какое ожерелье бабушка хотела вернуть, или почему она вообще бросила того человека.

«Возвращайся в «Золотые двери»», – писал Эдвард.

Я открыла ноутбук и принялась печатать.

Через несколько часов распахнулась дверь, и по дому эхом разнесся мамин голос:

– Эбби?

– Я тут!

Она зашла в гостиную и накинула на спинку кресла свое пальто. Следом вошел папа. Он перевесит ее пальто потом.

– Ты еще не ложилась.

– Как прошла встреча?

– Эм, нормально. Чем занимаешься? – Мама плюхнулась рядом со мной. Папа поцеловал меня в макушку и ушел на кухню заваривать чай.

– Кажется, я все выяснила. – Я протянула маме письма. – Они подписаны именем Эдвард и указывают на место под названием «Золотые двери». Так называется дом на Нантакете. Нынешнего владельца тоже зовут Эдвард, и в пятьдесят втором году ему было двадцать два, а бабушке – восемнадцать. Она могла провести с ним лето на Нантакете.

– На Нантакете? – Мама пролистала письма. – Но она ни разу не упоминала, что бывала на Нантакете.

Я лукаво посмотрела на маму.

– Разве ты не должна знать о человеке, который мог бы написать «моя дорогая Рут»?

Она слегка толкнула меня плечом.

– А с каких пор дочери допытываются у матерей насчет их личной жизни?

– Грубо. Я ведь знаю о твоём школьном бойфренде и парне, с которым ты путешествовала по Эквадору после колледжа. – Я показала пальцем на экран ноутбука, где был открыт сайт компании. – Я хотела написать и попытаться выйти на него.

Мама вгляделась в экран.

– Они имеют какое-то отношение к «Барбанел»?

– Ты знаешь о них?

– Это одна из крупных бухгалтерских фирм.

– Да, интернет так мне и показал. Но чем конкретно занимаются бухгалтерские фирмы?

Мама засмеялась.

– Они проводят консультации по вопросам финансов, занимаются аудитом и налогами.

– Выходит, они не просто связаны с той фирмой, они ее основали. Это их компания. Эдвард, о котором я говорю, – Эдвард Барбанел.

Мамины брови резко взлетели на лоб.

– Весьма неплохо. Объясняет дом на Нантакете.

– Думаешь, ничего, если я попробую с ним связаться?

Мама замешкалась.

– Зачем?

– Что значит «зачем»? Он знал бабушку в юности. Он может знать все что угодно – например, какую-то информацию о ее семье.

– Эбби... Бабушка была очень маленькой, когда покинула

Германию. Она практически ничего не знала о своей семье. Откуда об этом знать чужому человеку?

– Потому что они были влюблены! И, может, она рассказывала о них, когда была юной. Может, в письмах, которые ему отправляла, она писала о своей семье или родном городе.

– Не хочу, чтобы ты понапрасну надеялась узнать что-нибудь о семейной истории.

– Ну ладно, хорошо. Но даже если я ничего не узнаю, тебе не кажется странным, что она ездила на Нантакет и никогда об этом не рассказывала? Не странно ли, что она влюбилась в какого-то богатея, а мы никогда о нем не слышали? И почему какой-то обеспеченный парень украл ожерелье?

Я знала основную версию жизни своей бабушки. В четыре года она покинула Германию, сначала отправилась во Францию, потом на пароходе в Штаты. Ее приняла еврейская семья из северной части Нью-Йорка, где она прожила до восемнадцати лет, а потом переехала в город. Она вышла за моего дедушку, тоже немецкого еврея, вернулась на север, родила троих детей и удалилась в Уэст-Палм-Бич. Овдовела.

У нее началась деменция. Она переехала в дом престарелых. Перестала узнавать свою семью. Умерла.

Единственный раз я видела маму плачущей, когда нам позвонили с новостями о смерти бабушки.

– Разве это важно? – сказала мама. – Если бы бабушка хотела, чтобы мы знали об этом человеке или Нантакете, она

сама бы нам рассказала.

– Чушь. Ты просто злишься, что она тебе не рассказала, поэтому притворяешься, что тебе все равно.

Опешив, мама посмотрела на меня и поцеловала в висок.

– Спасибо за диагноз, доктор Шенберг.

– Ты же знаешь, что я права. Так что, не возражаешь, если я попробую с ним поговорить?

– Попробуй.

На следующие несколько дней я с головой погрузилась в жизнь Эдварда Барбанела. Он превратил «Барбанел» из местной успешной бухгалтерской фирмы, которая в пятидесятых годах уже насчитывала историю в сотню лет, в крупную многонациональную организацию. Хотя она по-прежнему принадлежала частному лицу. Судя по объявлению о свадьбе в «Нью-Йорк таймс», Эдвард женился в том же году, когда отправил последние письма бабушке, написав: «Не делай глупостей. Я люблю тебя». В день своего восьмидесятилетия он передал управление компанией сыну.

Оказалось, очень-очень сложно связаться с председателем правления непомерно богатой компании. Письма по электронной почте, звонки, личные сообщения – ответа я так и не получила. Однако было бы желание.

– Я поговорила с мисс Чаудхари из библиотеки, – сообщила я родителям за завтраком через две недели после того, как нам доставили коробку. – Ее невестка знакома с человеком, у которого есть друг семьи, дочери которого при-

надлежит книжный магазин на Нантакете. Она сказала, что попробует найти мне там работу на лето.

Мама чуть не выплюнула кофе.

– Чего?

– Какой длинный список, – заметил папа. – Ты всех за помнила или кое-кого придумала?

– Раз уж мне не удастся связаться с Эдвардом Барбанелом, поеду к нему сама.

– На все лето ты на Нантакет не поедешь.

Папа вздохнул:

– Никто никогда меня не слушает.

– Почему бы и нет? Мне нужна работа на лето.

– Не на Нантакете! – мама повысила голос на несколько децибелов. – Тебе не кажется, что это немного слишком? А как же библиотека? Тебе ведь нравится там работать!

– Подумай, какое отличное эссе для колледжа получится. Ты же знаешь, какая высокая конкуренция за стипендию.

Для частного колледжа мне была нужна полная стипендия. И хотя у меня были приличные оценки, хорошее эссе даст преимущество над другими. Тем более, если я продемонстрирую, насколько сильна моя преданность изучению истории, ведь все лето я разбиралась в истоках своей семьи. Надеюсь, подобная самоотверженность впечатлит приемную комиссию, потому что, откровенно говоря, мне это необходимо. Стипендии для будущих историков не раздают направо-налево.

– Солнышко...

Ладно, возможно, я вообще не получу стипендию, но слышать об этом не желаю.

– Нико, Хейли и Брук все равно уедут на лето. Какой смысл торчать дома?

Мамино лицо прояснилось, словно до нее вдруг дошло.

– Дело в Мэтте? Эбби, я понимаю, что ты расстроена...

– Господи, мам, не все вращается вокруг этого тупого мальчишки!

Однако, надо признать, я действительно не хотела стилизоваться с Мэттом, особенно после того, как он, порвав со мной, снисходительно предложил «вести себя как обычно».

Папа благоразумно взял чашку и удалился из комнаты.

– Уверена? Ты прочитала письма через две недели после расставания с Мэттом. Ты на них зацклилась. От себя не убежишь, Эбби.

Внутри все сжалось, тисками сдавив живот до боли.

– Не хочу это обсуждать.

– Эбби, милая... – На мамином лице отразилась нежность, и она потянулась ко мне.

Я отшатнулась от нее.

– Мне семнадцать. Я могу себе финансово это позволить и все равно в следующем году уеду в колледж. Я ничего опасного не делаю.

– Я не понимаю, почему это так тебя волнует!

– А я не понимаю, почему это не волнует тебя! Это же

огромный пробел в жизни бабушки.

– Почему бы нам не найти компромисс и не уехать на выходные?

– Мам, я не хочу проводить лето здесь!

Она застыла и издала тихое и простое:

– О.

Я тут же пожалела о своих словах. Мы с мамой были очень близки, и эмоции друг друга производили на нас сильное впечатление.

– Извини. Просто... мне хочется побольше узнать о бабушке. А тебе нет? Неужели ни капельки не любопытно?

Мама передернула плечом, напоминая этим жестом свою мать.

– Она мне не рассказывала, поэтому я не знаю, почему мне стоит интересоваться.

Я не купилась на ее беспечный вид. «Ты чересчур гордая», – писал Э. Может, не только бабушка оказалась горячкой.

Всю свою жизнь я наблюдала, как обидно было маме, когда бабушка отказывалась отвечать на ее вопросы. Их отношения, в отличие от наших, были натянутыми, полными напряженного молчания и фраз «неважно» и «как ужасно». Может, мама и вправду верила в то, что сказала: может, если бабушка не хотела ей рассказывать, она и не хотела знать.

Но я в это не верила. Я знала свою мать и видела ее взгляд, когда мы читали письма. Бабушка очень, очень много значи-

ла для мамы. И хотя она была слишком гордой, чтобы рыться в прошлом своей матери, мне не пришлось притворяться равнодушной. Я могла сделать это за нее. Поехать на Нантакет. Разыскать Эдварда Барбанела. Узнать бабушкино прошлое.

Да и, в принципе, разве могли родители помешать? Приятная работа на лето в приятном книжном магазине в приятном городе. У одной маминой коллеги даже оказалась тетя на Нантакете, у которой можно было снять комнату (или хотя бы кровать, если я не против жить с соседкой). Поэтому родители отвезли меня в Хайаннис на паром. Дэйв тоже поехал, но в основном играл в видеоигры. Мама беспрестанно спрашивала, не забыла ли я зубную щетку, витамины и свой крем от прыщей, пока я не рявкнула, что я не идиотка. Мама тут же погрустнела, а я почувствовала себя чудовищем. Родители стояли на причале и смотрели, как я уезжаю. Папа обхватил маму за плечо, и она прислонилась к нему. Впервые они казались маленькими. Они махали и махали, и я махала в ответ, не зная, что случится, если отвернусь первой, и хорошо это или плохо, разрывать пуповину.

Глава 2

Быстроходный паром рассекал воды Атлантического океана. Я подняла голову и прикрыла глаза, наслаждаясь согревающим кожу теплом и мелькающими от солнца красно-золотистыми пятнами. От дуновения соленого ветра волосы взметнулись вверх, а потом угодили мне в рот. Меня окружал яркий лазурный мир – лишь бескрайний океан и безоблачное небо.

Открою маленькую тайну: мама была права. Я убегала.

Трудно остановиться, когда именно неизвестность делает тебя счастливее. Я могла все бросить: у меня не было ни ожиданий, ни новых надежд. Окружающий мир полон возможностей. Я могла начать заново. Могло произойти что угодно. И что-то обязательно произойдет.

И в идеале это отвлечет мое внимание от Мэтта.

Теперь, спустя некоторое время, я понимала, что его решение расстаться не должно было так меня потрясти.

– Сейчас мне нужно сосредоточиться. Понимаешь? – сказал он в последний день февральских каникул, когда мы вышли перекусить буррито. – Гарвард очень избирателен, особенно к ребятам из Америки. Им нужны абитуриенты из разных штатов – например, из Канзаса.

– Из Канзаса. – За две секунды до этого разговора мы собирались посмотреть новенький блокбастер. А теперь я

смотрела, как Мэтт набивает рот рисом и фасолью, в то время как моя еда свинцовой тяжестью упала в желудке. Он бросает меня из-за отличников из Канзаса?

– И мне нужно заняться чем-нибудь поинтереснее, типа стажировки. У меня нет времени на отношения. Ты мне нравишься, – сказал единственный парень, который видел меня голой по пояс. – Но... ты понимаешь.

А я-то думала, мы поженимся. Я слабо верила в институт брака, но все равно думала, что однажды мы встанем под хупу².

– Похоже, ты уже все продумал.

Он кивнул и показал на оставшиеся в моей тарелке чипсы.

– Ты будешь доедать?

– Забирай. – Я толкнула к нему тарелку. – Отлично... ну, э, спасибо, что сообщил. Увидимся завтра на психологии.

Мэтт, похрустывая, заявил:

– Тебе необязательно уходить. Если хочешь, можем все обсудить.

– Что обсудить? – У меня начал потеть лоб. Я даже не подозревала, что лбы могут потеть. – Ты принял решение. Молодец! Я рада, что ты так хорошо знаешь себя и понял, что не хочешь со мной встречаться. Отлично. А я не хочу встречаться с парнем, который не хочет встречаться со мной, так что... мы больше не встречаемся. Пока. – Я неуклюже

² Хупа – балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии бракосочетания.

встала из-за стола и ушла как можно грациознее.

Возможно, гордость передавалась по наследству.

Протрубил гудок, и люди бросились к ограждению, составив мне компанию. На горизонте показалась кромка земли, и вскоре нам удалось разглядеть детали: крошечные серые домики, кучка зеленых деревьев, пронзающие небеса шпили. Наш паром обогнул песчаный мыс, увенчанный невысоким маяком, а потом вошел в невероятно красочный порт. Десятки разнообразных лодок покачивались на воде, а на деревянном помосте грелись тюлени. В голубом небе, усеянном пушистыми облаками, парили и кричали чайки. Люди приготовились сходить на берег.

Нантакет. Летнее пристанище богатейших людей Америки. Дом, милый дом на следующие несколько месяцев.

Поток пассажиров унес меня на пристань, которая плавно переходила в мощеные улочки, ведущие в центр города. Вдоль тротуара были высажены лиственные деревья, и на ветру развевались американские флаги. Друг за дружкой располагались бутики одежды и магазинчики с мороженым. По милому своей самобытностью городу шли счастливые и загорелые люди.

Я стиснула ручку чемодана и покатила его мимо элегантно одетых манекенов и морских антикварных вещей под горизонтальными вывесками, написанными от руки. Нантакет напомнил мне американскую версию Эпкота³ – красивый и

³ Эпкот – тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея», ко-

невероятно вычурный. Я была Алисой, упавшей в кроличью нору, Люси, заглянувшей в платяной шкаф, Дороти, упорхнувшей из Канзаса. Я погуглила информацию об острове, но все равно оказалась к нему совсем не готова.

Хотя историю острова в целом узнала. Изначально остров заселяли Вампаноаги, но в начале семнадцатого века население Нантакета быстро разрослось, когда люди на материке Массачусетса стали убегать от болезней и оккупации и укрылись на острове. Но затем за ними последовали британцы, и к шестидесятым годам восемнадцатого века большая часть Вампаноагов погибла от болезней. Потом на остров пришли квакеры, затем китобойный промысел, а вскоре и зажиточные граждане, которые остались тут и отвоевали эту землю.

Я всегда любила историю, но до этого года не понимала, что ее изучением можно заниматься всерьез. Это казалось слишком легким занятием, словно я смошенничала. Неужели можно пойти учиться, чтобы читать истории о людях из прошлого? Дикость какая. Я в прямом смысле слова хотела с головой погрузиться в Википедию, чтобы разведать про общественный строй античности, про женщин-правительниц и Прекрасную эпоху. Я прочитала все труды Стейси Шифф и Эрика Ларсона. Меня действительно привлекала идея написать эссе для колледжа, если это означало, что я могу изложить историю своей семьи.

Если узнаю то, о чем можно написать.

Следуя указаниям на телефоне, я повернула к красивому особняку из кирпича, затем прошлась по крохотным улочкам и уперлась в узкий закоулок. По обеим сторонам тесно друг к другу примыкали дома с серой черепицей, а вокруг них располагались небольшие лужайки и росли кусты роз. Этим пострадавшим от непогоды домикам был присущ приморский дух: американские флаги и вывески, гласящие: «Тебе нужны лишь Любовь и Пляж» и «Дом там, где Пляж».

Я остановилась перед домом с деревянной доской, на которой было написано Эрроувуд-коттедж. В углу были вырезаны крошечные белые цветочные бутоны. С чемоданом в руке я перепрыгнула через три ступени крылечка, сделала глубокий вдох и позвонила.

Мне открыла пожилая женщина. Ее тронутые сединой волосы были коротко подстрижены, а пурпурная туника колыхалась на ветру. В ушах висели побрякушки из стекла.

– Да?

– Здравствуйте. Миссис Хендерсон? – Я встречалась несколько раз с ее племянницей, маминой коллегой, когда меня таскали на мероприятия в колледже. Отдаленная схожесть черт их лиц меня успокоила. – Я Эбби Шенберг.

– Да, точно. Ты приехала только что?

– Ага. Да. Я приплыла на пароме из Хайанниса. Меня подбросили родители. – Я прошла за ней в дом. Слева располагалась просторная открытая кухня, справа – гостиная с уставленными книгами полками. С коврика вскочил золотистый

ретривер и, наострив болтающиеся уши, громко залаял. У него была шерсть цвета темного сливочного масла и длинные нескладные лапы собаки, которая еще не успела заматереть.

– Это Элли Мэй, – сказала миссис Хендерсон. – Спокойно, Элли, она наш друг.

Собака снова залаяла, а потом засеменила ко мне и уткнулась носом в мои шорты. Я нагнулась и слегка потрепала Элли по голове. У нее были добрые глаза, а за ушами и под коленками отрасли пучки длинной шерсти.

– Привет, девочка.

Она облизнула мне лицо и выдохнула на меня своим ужасным собачьим дыханием.

Миссис Хендерсон засмеялась.

– Худшего сторожевого пса во всем мире не сыскать.

Я встречала в жизни похуже, но все равно их обожала.

– Сколько ей?

– Восемнадцать месяцев. Тебе нравятся собаки?

– Да, я их обожаю! У моей бабушки живет бигль. – Бабушка со стороны папы балует своего пса с большей снисходительностью, чем меня и моего брата.

– У меня всегда были ретриверы, а у одного моего закадычного друга – гончие. Видела бы ты их охотничью стойку. – Женщина тепло улыбнулась, а потом махнула рукой. – Пойдем, проведу тебе экскурсию.

Элли Мэй преданно потрусил за нами, когда миссис Хендерсон стала показывать мне дом. Помимо кухни и гостиной

на первом этаже располагались столовая и кабинет. Из последнего можно было выйти в обнесенный забором задний двор. На втором этаже она указала на свою спальню и рабочий кабинет ее почившего мужа. Женщина улыбнулась, по-рицая себя:

– Порой я подумываю переделать ее в еще одну комнату и тоже сдавать, но все никак не решаюсь.

Чтобы подняться на третий этаж, нам пришлось вскарабкаться по узкой лестнице, ступеньки которой просели по центру. На этом этаже был один коридор, и из окон по обе стороны разливался свет. Миссис Хендерсон открыла дверь.

– Вот и твоя комната.

Белые стены делали крошечную комнату со скошенным потолком ярче. На полу из светлого дерева лежал плетеный овальный ковер бело-голубого цвета. Одна из двух односпальных кроватей была аккуратно застелена белоснежным бельем и накрыта стеганым одеялом, а на второй кровати лежал ворох одежды. Под окном между кроватями на тумбочке стояла лампа бирюзового цвета.

– Раньше тут была комната горничной, когда дом только построили. Я попыталась сделать ее уютнее.

– Она чудесна. – Я подкатила чемодан к свободной кровати и выглянула в окно. Мне открылся вид на дворик миссис Хендерсон, усыпанный пурпурными цветами с небольшим фонтанчиком в центре. А еще из окна был виден соседский двор, потому что коттеджи стояли вплотную друг к другу. –

Огромное спасибо.

— Ванная в конце коридора. Она только для вас с Джейн. Вторая комната на этаже — кладовка. — Она вручила мне ключ. — Добро пожаловать на Нантакет.

После того как миссис Хендерсон ушла, я убрала платья в кладовку и аккуратно выставила под кроватью в ряд ботинки. Я спрятала под одеялом Коня, своего детского друга. Потрепанный плюшевый кот на подушке моей новой соседки меня утешил.

У меня получилось. Я здесь.

Что теперь?

Через открытое окно в комнату проникли приглушенные звуки веселья. Дома летними вечерами разносились лишь однообразные песни сверчков. То был более успокаивающий звук, чем этот, от которого заныло в груди. Мне стало казаться, что я должна быть там и смеяться, кричать и жить вместе с другими.

Ладно. Я испытывала странные чувства, потому что мне было одиноко, но это быстро пройдет, потому что через два дня выходить на работу. Не вижу смысла сомневаться, правильно ли я поступила. Разумеется, я поступила правильно. Последние три месяца я лелеяла эту идею о поездке на Нантакет, словно хваталась за спасательный круг. Нельзя желать чего-то, даже вожделеть, а потом, добившись желаемого, почувствовать пустоту.

Или можно?

Мне казалось, будто я бросила маму.

Понятно, что теоретически я никого не бросала. У мамы был папа, который довольно неплохо умел подстраиваться под других людей. Но и не слишком хорошо: если задать ему на ходу щекотливый вопрос, он остановится в прямом смысле, чтобы подумать, и мне придется за ним вернуться. А у мамы были друзья в церкви, лучшие подружки из колледжа и приятели из группы «Дети выживших при Холокосте», а также родители моих друзей, с которыми она тоже подружилась. А еще с ней был Дэйв, мой брат.

Если так подумать, рядом с мамой было полно людей. Только иногда я сомневалась, что она это осознает. Порой ей казалось, что она совсем одинока.

Безусловно, она не была одинокой. Даже если бы остальных не существовало на этом свете, у нее осталась бы я.

Вот только я от нее уехала.

– Возьми себя в руки, – пробормотала я, плюхнувшись на свою новую кровать. – Расправь плечи. Сделай глубокий вдох. – Я задумалась: не позвонить ли маме, но тогда она почувствует мою панику. Она тоже запаникует, и мы увязнем в пучине паники. Поэтому я отправила ей жизнерадостное селфи и позвонила Нико.

На экране телефона появилось лицо лучшей подруги на фоне комнаты общежития в Стэнфорде.

– Привет! Ты уже там? Как дела?

– Здесь столько пляжей, ты не согласишься! А еще повсюду

растут розы. Погоди-ка, ты накрасила губы? А это что, челка?

– Офигенно, да? – Нико повернула голову, чтобы я оценила ее короткую стрижку и прямую челку на лбу. – Решила преобразиться.

– Выглядишь потрясающе!

– Знаю. Подумала, ведь никто здесь не знает, что раньше я никогда не красила губы. Так почему бы не попробовать? Ты в курсе, что люди сначала наносят праймер, а потом помаду? На кой черт?

– Как Пало-Альто?

– Здесь все ездят на велосипедах, и никто не перебегает на красный, а еще они называют шоссе магистралью, и это очень мило. Как буржуйская жизнь на острове? Ты уже носишь кардиганы с жемчугами? Неужели там все белые?

Я скорчила мину.

– Меня колбасит. Что я творю? Зачем я сюда приехала?

– Дыши. Ты пробыла-то там всего две секунды.

– А если у меня не появятся друзья? Вот как ты умудрилась завести друзей в лагере для программистов? Мы ни с кем не знакомились лет с шести!

Нико нахмурилась.

– А с кем мы познакомились в шесть?

– Это я наобум число ляпнула.

– Эниша переехала в Саут-Хэдли, когда нам было по двенадцать, так что она может сойти за нашего нового друга.

– Нико-о-о.

– Ладно. – Нико сделала серьезное лицо. – Воспринимай это как практику в колледже. Ты познакомишься с новыми людьми и можешь быть кем угодно. Тоже, кстати, попробуй преобразиться. Сосредоточься не только на прошлом своей бабушки, потому что тебе семнадцать, а не семьдесят. Веселись! Будь смелее! Как там говорит твой папа? Найди в себе немного хуцпы?⁴

– Мой папа самый настоящий ботан.

– Обожаю твоего папу. Помнишь, как он радовался, когда ты разрешила ему сопровождать экскурсию в океанариуме?

– Не напоминай.

– Он так полюбил этих крошечных пингвинчиков. Никогда не видела такой чистой любви.

После разговора с Нико мне стало легче. Поэтому-то я и отправилась на остров в тридцати милях от берега, где никого не знала. Так, без паники. Со мной видеозвонки, дыхательные тренировки и полотенца. В десятом часу дверь распахнулась, и в комнату влетела девушка с копной мелких черных косичек и мукой на футболке. У нее были двойные проколы в ушах, темная кожа, и ростом она была выше меня сантиметров на семь. Девчонка резко остановилась.

– Привет.

– Привет! – Я быстро выпрямилась. – Ты, наверное, Джейн?

⁴ Дерзость (*идиши*).

– Да. А ты Эбигейл?

– Эбби.

– Клево. Ты работаешь в «Проуз Гарден»? – Она сорвала с себя футболку и натянула красный топик. – Извини, я грязная, только что со смены.

– Да? А где ты работаешь?

– В пекарне своей тети. – Джейн повернулась к зеркалу и провела две идеальные стрелки на веках. – Я приезжаю сюда летом последние два года, чтобы помочь, а заодно и отдохнуть от своих братьев и сестер. Слава богу, что миссис Хендерсон сдает мне эту комнату. Я с Род-Айленда. А ты?

– Саут-Хэдли, это западный Масс...

– Да, здорово, я собираюсь поступать в Смит. – Она выпрямилась. – Ладно, извини за суету, но мне пора убегать.

– О. – Я попыталась не падать духом. Меньше всего хотелось бы, чтобы моя соседка решила, что я навязываюсь. – Приятно познакомиться.

Джейн задумалась. Между нами повисла тишина, атмосфера стала напряженной. Я была невесть кем, встревоженной и, наверное, требовала слишком много внимания. У Джейн своя жизнь, друзья и планы. Она не обязана брать ответственность за совершенно незнакомую девчонку.

И все же она отнеслась ко мне по-доброму.

– Хочешь со мной? Я встречаюсь с друзьями на пляже. Будет костер.

На меня нахлынули благодарность и облегчение. Тревога,

поселившаяся в моем сердце, начала рассеиваться.

– С радостью.

Заходящее солнце окрасило небо в ярко-синий цвет, когда мы вышли из города и направились по Норт-Бич и Бэ-синг-Бич-роуд. Вдоль тротуаров лежал песок, проглядывая из-под клочковатой травы.

– Как же твоя тетя оказалась на Нантакете? – спросила я свою новую соседку. – Она просто решила открыть здесь пекарню?

Джейн засмеялась.

– Господи, нет, мы местные.

– Реально? Как классно!

– Да, здесь, на Нантакете, приличный контингент эмигрантов с Азорских островов и из Португалии. Мы на одной широте, поэтому торговые суда часто плавали туда и обратно. – Джейн показала на шаровидные цветы голубого цвета, которые, как я уже заметила, росли по всему острову. – Говорят, что гортензии изначально привезли с Азорских островов, которые находятся между Нантакетом и Португалией.

Если плыть на восток, это первая земля, которая встретится на твоём пути.

В конечном итоге дорога кончилась парковкой, и мы вышли на пляж, вода за которым казалась темной и бесконечной. В небе низко висел маслянисто-желтый полумесяц. Мы скинули сандалии, и я зашагала по микроскопическим царапающим пятки песчинкам. Джейн повела меня через толпу, пока мы не подошли к костру, возле которого сгрудились ребята нашего возраста с красными стаканчиками в руках. На них были вязаные свитера, футболки в полоску и шорты фирменного на Нантакете выцветшего лососевого цвета. Смех ребят сливался с шумом прибоя, скрипящего о плотный песок.

Джейн петляла через толпу, а я шла за ней следом. Раньше я считала, что пляжные вечеринки для подростков существуют только в кино, но эта сцена угодила прямиком мне в сердце, как кусочек пазла, занявший свое место. Летние ночи созданы именно для этого – чтобы зарываться пальцами в песок, слушать шум волн и вдыхать аромат соли, морских водорослей и горящего дерева. *Смелее!*

– Хочешь пива? – Джейн протянула мне пластиковый стаканчик.

Точно. Алкоголь. Класс, класс. Я подросток, а все подростки пьют алкогольные напитки. Ладно, лично я не пила, потому что мы с подругами предпочитали вечеринки с ночевкой с участием «Она – мужчина» и домашним шоколад-

ным мороженым. К тому же вдруг я превращусь в плаксивую пьянчужку, которая сидит в углу и рыдает?

Нет. Надоело быть скучной соседской девчонкой! Надоело следовать правилам. Надоело вспоминать Мэтта – хотя к черту его, потому что это он меня бросил.

Мама всегда говорила, что проблема моего поколения в том, что мы слишком исполнительные. Сама мама в юности карьеру сделала на нарушении правил. В голову пришла безумная идея отправить ей фотографию, на которой я держу пиво, но я быстро одумалась. Наверное, она подразумевала, что моему поколению лучше осваивать гражданское неповиновение, чем напиваться на пляже.

Ну и ладно.

Я сделала глоток светло-янтарной жидкости и чуть ее не выплюнула. Ого. Хорошо, пиво тоже к черту.

– Познакомьтесь с Эбби. – Джейн подтянула меня к трем ребятам. Она кивнула на низкорослую белую девушку в модных очках и кожаной куртке. – Это Лекси, моя прежняя соседка, которая меня кинула.

– Не надо меня ненавидеть, – сказала Лекси с затаившейся в насмешливом тоне нервной серьезностью.

– Предполагаю, у тебя была весомая причина. Стелла уже здесь?

– Она завтра приезжает.

Джейн махнула в сторону остальных из их компании: темнокожего парня в рубашке в светло-зеленую клетку и брюках

цвета хаки и парня азиатской внешности.

– Эван из Бостона и наш образцовый мажор. Пранав из Лондона, он стажер в архитектурной фирме.

Оба парня кивнули мне.

– Привет. – Я вцепилась в стаканчик, как в спасательный жилет. Мы с подругами сочетались, как зазубренные края разбитой тарелки. Что мне тут делать? Завернуться в тюль, чтобы никого не порезать, или тогда я настолько затуплю, что вообще не впишусь в их компанию?

Я глотнула еще пива. На вкус все так же мерзко. Ну и ладно.

Может, меня расслабил алкоголь, а может, все дело в том, что друзья у Джейн оказались классными, но через пять минут они затянули меня в разговор, и мы устроили горячие дебаты на тему «Если покинешь Землю, то какие три вида сыра возьмешь с собой на космический корабль».

– Моцарелла, – решительно заявила Джейн. – Невозможно приготовить пиццу без моцареллы.

– Острый чеддер, – возразила прежняя соседка Лекси. – Может, бри или камамбер. Но еще очень кстати бы пришелся пармезан.

– А как же американский сыр? – спросил Эван.

Джейн уставилась на него.

– Ты прикалываешься? Ты можешь взять только три вида сыра, которые будешь есть вечно, но выбираешь американский?

– А я его люблю!

– Тут смотря что еще ты с собой берешь, – дипломатично вмешался Пранав. – А еще панир⁵.

– Верно, глупо брать бри, если у тебя нет багета, – заметила Лекси.

– Багет точно брать нельзя, – заспорил Эван. – Это же космос! Крошки!

– А сливочный сыр считается? – отважилась я. – Потому что я не хочу навечно прощаться с бубликами.

Все с ужасом посмотрели на меня, и на секунду я пожалела, что вообще открыла рот и сказала нечто до ужаса стремное.

– Боже, – спустя мгновение сказала Лекси. – А о сливочном я и не подумала.

– Точно подмечено, – рассудительно заметил Эван. – И на липких булочках глазурь тоже из сливочного сыра.

– Если мы полетим в космос, у нас не будет времени на *липкие* булочки, – возразила Джейн.

– Липкие булочки меня радуют, Джейн, – сказал Эван. – Хочешь лишить меня этой радости?

Я медленно расслабилась, а вскоре стала смеяться и шутить вместе с остальными, чувствуя себя полноправным членом их компании. Впервые за весь день я была счастлива, что оказалась на этом острове.

– Так ты учишься на архитектора, – позже сказала я Пра-

⁵ Панир – разновидность сыра, впервые изготовленного в Индии.

наву, допив пиво. – Ты много знаешь о домах на острове?

Пранав пожал плечами. Тупо считать его крутым, только потому что у него был классный акцент, но я была еще не настолько образованна, чтобы придерживаться другого мнения.

– Только основное.

Лекси закатила глаза.

– Ну какой же ты важный.

Я подалась вперед.

– Ты слышал про «Золотые двери»?

– Ага. Отличный образец архитектуры в федеральном стиле. Великолепный дом. Построен в середине девятнадцатого века до всех этих правил.

– Правил?

– Ограничения по высоте, материалам и прочей чепухе, – ответил Пранав. – Весь остров – Национальный исторический памятник, но «Золотые двери» построены задолго до этого.

– Барбанелы одна из богатейших семей на острове, – сообщила мне Джейн. – Настоящие островитяне, не то что те, пришедшие недавно. А еще они португальцы! Ну вроде того.

Я наклонила голову.

– Вообще-то они евреи. Но вроде португальские евреи.

Эти слова привлекли мое внимание. Я не знала, что Барбанелы были евреями. Я вообще не ожидала встретить летом на Нантакете еврейскую семью. Хотя что я знала о необы-

чайно богатых людях? Они могли проводить лето, где им заблагорассудится. Что касается португальцев...

– Сефарды?

– Что?

– О, так называют евреев из Испании или Португалии. – Хотя их выдворили еще во времена инквизиции. Моя семья была ашкенази, и мы происходили от евреев, осевших во Франции и Германии в одиннадцатом веке.

– Круто. – Джейн с яркой улыбкой повернулась к Пранаву. – Пранав прав, у них великолепный дом. Раз или два в год они проводят по нему экскурсии.

Лекси кивнула:

– Вообще-то завтра я там подрабатываю.

Я развернулась к ней.

– Что за подработка?

– Обслуживание банкетов. У Барбанелов вечеринка в честь начала лета. – Она покачала головой, обращаясь к Эвану: – У богатых свои причуды.

– У меня есть право хранить молчание.

– Кто-нибудь из вас с ними знаком? – спросила я у всей компании. – С Эдвардом Барбанелом и его семьей?

Джейн странно на меня покосилась, и я поняла, что остальные тоже. Я слегла перегнула палку.

– А откуда такой интерес? – спросила моя новая соседка. Эван ухмыльнулся.

– Ной?

Я задумалась. Я не знала этих ребят. Они могли посчитать меня чудачкой – приехала на Нантакет, чтобы разведать связь моей бабушки с Барбанелами. К тому же мне очень хотелось сохранить эту информацию при себе, как дракону, оберегающему свои сокровища. Может, сменить тему, поинтересовавшись, кто такой Ной?

Но как мне узнать информацию, если я не буду разговаривать с людьми? Какой историк откажется брать интервью?

– Думаю, много лет назад моя бабушка бывала в «Золотых дверях». Недавно она умерла, и мы почти не в курсе ее прошлого, поэтому я пытаюсь узнать.

– Она была знакома с Барбанелами? – спросил Эван.

– Не уверена. Думаю... – Я помедлила. – Думаю, она знала Эдварда. Они писали друг другу письма.

– Какого рода письма? – спросила Джейн.

Пранав усмехнулся.

– Любовные письма?

Я уставилась себе под ноги.

– Нет! – радостно воскликнула Джейн, а остальные казались по-настоящему заинтересованными. – Ты серьезно?

– Думаю, да.

– Что собираешься делать?

– Думаю, посмотрю на дом, чтобы просто понять... я видела их онлайн-экскурсии по саду. Может, пообщаюсь с Эдвардом Барбанелом.

– Ты должна завтра пойти с Лекси, – сказала Джейн. –

Сориентироваться на месте.

– Я не хочу навязываться... – начала я, презирая себя за неуверенный, робкий тон. – То есть хочу, но...

– Надо, – сказала Лекси, чуть приподняв брови. – Мисс Уилсон всегда не против дополнительной помощи. Да и, скажу откровенно, я всеми руками за то, чтобы надуть этих богатых снобов.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Я не доставлю неудобств.

– Так только для этого я тебя и позвала, – улыбнувшись, сказала Лекси. – Мы тащимся от драмы.

– Так выпьем же за то! – заявил Пранав, и мы засмеялись и подняли пластиковые стаканчики.

Так что на следующий день я отправилась к «Золотым дверям».

Глава 3

В пять часов за мной заехала Лекси на джипе, битком набитом другими ребятами из кейтеринговой компании. Одетая, как и все остальные, в черные шорты и белый топик, я втиснулась на заднее сиденье и с головой погрузилась в музыку и болтовню ребят, беззаботно сплетничающих о незнакомых мне людях.

Чем выше мы поднимались по холму, тем дальше друг от друга стали располагаться дома. Под тенистыми деревьями, над белыми заборами по трельяжной сетке всюду цвели кусты гортензий с мелкими цветами шарообразной формы. Море то появлялось, то снова исчезало; вода переливалась на солнце, как россыпь бриллиантов. Я высунула руку из окна и подставила лицо июньскому солнцу.

Машина выехала на равнину, и вид на океан открылся полностью, являя собой неизменную голубую полосу под бескрайним небом. Мешали лишь огромные особняки с верандами, украшенными колоннами, и дорожки из измельченных белых ракушек. Наконец, мы свернули на грунтовую улочку.

И нашему взору предстали «Золотые двери».

Те фотографии, что я видела, не передавали помпезности дома. С черепицей из серого кедра, с островерхой крышей, фронтонами и дымовыми трубами, он казался огромным и

просторным. Только на той стороне дома, которая была нам видна, оказалось две дюжины окон. Вокруг первого этажа шла веранда, а вокруг второго – балконы. Одну из половин дома венчала площадка с перилами.

– Ничего себе, – сказала я.

– Двадцать пять миллионов долларов, – ответила сидящая рядом девушка. – Хотя дом не продается.

Ого. Заманчиво, но *не слишком* заманчиво.

– Цена не только за дом, – добавил парень, увидев мое лицо. – К нему прилагается и земля.

Сначала я его не поняла, но когда мы объехали дом и остановились на парковке, до меня дошло.

Земля.

Пока все копошились, я стояла, не шелохнувшись. За домом раскинулись идеально подстриженные лужайки и сад, но дальше земля обрывалась и круто уходила вниз к берегу и самому морю.

В точности как я себе и представляла. Я знала сады, о которых писал Э, и океан, который он рисовал. За подстриженными живыми изгородями и аккуратно посаженными цветами находились розарий с беседкой, а пышные кусты гортензий тянулись с дюн к пляжу. Меня пробила дрожь – то ли от осознания, то ли от дурного предчувствия. Может, я зашла слишком далеко?

– Пойдем, Эбби, – сказала Лекси. – Надо найти мисс Уилсон.

Уже слишком поздно идти на попятную.

Девушка повела меня по лужайке, где люди устанавливали белые шатры и развешивали цветные фонарики. Скатерти вздымались в воздух, а потом ложились на раздвижные столы, где на одинаковом расстоянии друг от друга стояли букеты цветов. Группа работников настраивала звуковую систему, а за ними женщина сверялась с папкой. Линдси Уилсон, владелица компании по организации банкетов.

Сегодня утром я разговаривала с ней по телефону, и она очень оживленно меня приветила.

– Вечеринки у Барбанелов всегда проходят легко, – сказала она, пока я ставила подписи на нескольких бланках.

– Но они очень закрытая семья, так что не вынюхивай, – усмехнулась Лекси.

Из машин мы перенесли подносы с едой к столам и холодильникам. Подносы острого манчего и мягкого пор-сальо; многоярусные тарелки с клубникой, ананасами, канталупой. Арбуз с фетой и веточками мяты, спаржа и зеленый горошек, миски с оливками, хумусом и бабаганушем; бри, запеченный в тесте, с инжировым джемом.

Дом я видела лишь мельком, поскольку место для вечеринки отвели от лужайки до гостиной. С высоких потолков свисали хрустальные светильники, а стеклянные двери были задрапированы занавесками песочного цвета. Кресла и диваны были обиты ярко-голубой и кремовой тканью, подходящей под низкие столики. Над одним камином висела кар-

тина с изображением пляжа, а над другим – зеркало в позолоченной раме. По углам стояли растения в горшках и свежие цветы. Обе каминные полки были уставлены книгами.

– Вот и нынешний президент, – кивнула Лекси на пару средних лет, стоящую посреди двора и беседующую с мисс Уилсон. – Гарри Барбанел и его жена.

Гарри, сын Эдварда и Хелен Данцигер, богатой женщины, на которой он женился в том же году, когда признавался в любви моей бабушке. У Гарри было много волос (папа бы обзавидовался), а сам он был одет в фирменные для Нантакета красные цвета (в миру более известный как лососевый). На его жене был блестящий пиджак, а на губах – неизменная улыбка. Оба словно сошли с обложки журнала.

Они разительно отличались от взрослых из круга общения моих родителей, которые любили поспорить, вели себя непредсказуемо и обладали аурой хиппи. Я частенько ввязывалась в их дебаты и почти уже предвкушала победу, как они резко меняли тему и говорили: «Не думала ли ты стать раввином? Ты бы стала хорошим раввином, отлично споришь. Тебе стоит чаще посещать синагогу». Я вежливо отказывалась от их видения моего карьерного пути («Но *почему* ты не хочешь быть раввином?»). Тогда мы переводили разговор на обсуждение новой юной рабби в синагоге, которая очень хорошо читала проповеди юным сиротам, но соседке Джоан она не нравилась, потому что у той слишком прогрессивные идеи. Кто-нибудь вообще в курсе, что у этой рабби есть

партнер? Дочь Сьюзан, наверное, лесбиянка, и они наверняка поженятся.

Я знала, как управиться с друзьями родителей. Сомневаюсь, что эти же методы сработают на Барбанелах.

В семь часов толпами стали прибывать гости. Люди в белых льняных брюках и черно-белых ансамблях стояли то тут, то там, держа в руках бокалы вина без ножки. Я кружила с подносом, уставленным бокалами с шампанским. Бабушка действительно тут бывала? Она смеялась и наклоняла голову, как эти женщины? Стояла на этой лужайке в свободном платье, с завитыми волосами, как у героини «Удивительной миссис Мейзел»? Судя по письмам, бабушка частенько проводила тут время, но мне сложно представить подобное. Может, она не посещала такие вечеринки в качестве гостыи, а была прислугой, как я?

Бабушкина жизнь всегда казалась повестью, полной опасности и гламура. И в этой повести внезапно оказалась еще одна глава, страницы которой склеились. Бабушка так же сияла от счастья, как все эти люди? Трудно представить. При жизни она всегда казалась немного грустной.

Время от времени кто-нибудь из других официантов указывал на члена совета директоров или президента компании. Даже сенатор появился.

– Здесь всегда так? – спросила я Лекси, когда мы одновременно поставили подносы с пустыми бокалами. – Все эти люди известны.

– Все летом приезжают на Нантакет. – Ну да, скорее, один процент.

К десяти вечеринка была в полном разгаре. Нам велели пользоваться туалетом при кухне, но очередь туда была нескончаемой, и я стала искать другой. Я пошла дальше по дому, рассматривая идеальные зеркала в коридоре и небольшие столики со свежими цветами. Мне удалось найти еще одну ванную, полную толстых пушистых полотенец, морских ракушек и изданий старых газет. Господи, эта ванная наряднее, чем вся моя комната.

На обратном пути я заглянула в пустой зал и заметила фотографии в рамках и картины. Я остановилась.

Если взгляну одним глазком, ничего же страшного не случится?

Я пошла дальше по коридору, все мои чувства максимально обострились. Я отдавала себе отчет в том, что здесь нельзя находиться. В этой части дома шум вечеринки был приглушен, словно все происходило в другом мире. Что я вообще ищу? Фото бабушки? Письмо в рамке? Ха.

Дверь справа резко распахнулась.

Я отпрыгнула назад, но вышедший мужчина меня не заметил, рванув в обратном направлении. Дверь стала медленно закрываться, и я увидела, что это кабинет с огромной картиной, на которой был изображен океан. Да будет вам известно, эта картина напоминала произведения Моне.

Я просунула ногу, чтобы дверь не успела закрыться.

И застыла. Как та девушка в «Парке юрского периода», которая пыталась убежать от динозавров, как жертвы Медузы, которые встретили ее взгляд. Потому что я обычно так не поступала. Я не врывалась в чужие дома. Не нарушала правила.

Но картина...

Где-то неподалеку раздался смех, и я нырнула в кабинет и захлопнула дверь. Я прислонилась к ней, сердце бешено колотилось, ладони вспотели. Я могла угодить в серьезные неприятности. Нужно уходить. А если я открою дверь и кто-то меня увидит? И арестует за незаконное проникновение? И бросит меня в тюрьму? На Нантакете вообще есть тюрьма? На Нантакете должна быть тюрьма. Кто сидит в тюрьме на Нантакете? Должники? Безумные водители? А если они выставят залог, но никто не заплатит, а родители слишком далеко...

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, досчитала до десяти. Все хорошо. Дыши.

Это важно помнить.

Я подошла к висящей на стене за громадным столом картине в раме, написанной масляными красками.

«Сомневаюсь, что мне с точностью удастся изобразить свет моря, даже если буду рисовать всю оставшуюся жизнь».

Но на этой картине свет был идеален. Художник с помощью зеленых и желтых оттенков изобразил свет, проникаю-

щий в водные глубины, и океан словно светился. Я привыкла к картинам, на которых океан внушал чувство тревоги или казался прохладным – немногие картины вызывали у меня желание войти в воду.

В правом нижнем углу на голубом фоне выделялись белые буквы. Почерк был небрежным, но даже так инициалы отчетливо проглядывались: Э и Б.

Я подняла руку, чтобы провести пальцами по буквам, но годы визитов в музеи заставили меня сдержаться. Вместо этого я наклонилась и задержала дыхание, словно могла окунуться в эти волны. Больше мне не нужны были доказательства. Это был Барбанел. Эдвард Барбанел писал моей бабушке любовные письма.

Я отстранилась и оглядела комнату. Кабинетом явно часто пользовались: на столе валялись бумаги и ручки, у стен стояли забитые книгами шкафы. Пол из темного дерева покрывал роскошный ковер, но я видела лишь мерцание. Под картиной был установлен камин, а справа у окна располагалась ниша, закрытая тяжелыми бархатными занавесками – идеальное укрытие, чтобы свернуться калачиком и читать.

Я уже незаконно проникла в чужие владения – это кошерно, если я немного осмотрюсь, или, пока не поздно, стоит улизнуть? Ладно, наверное, это не сто процентов кошерно, но точно больше походит на зефир, чем на бекон.

С опаской, словно ходьба с оглядкой по сторонам мне поможет, я подошла к книжным полкам и осмотрела кореш-

ки. Одна научно-популярная литература: книги про бизнес, историю и бухгалтерское дело. Забавно. Продолжив, я заметила более плоские корешки с рукописным текстом. В переплете. Я встала на колени и наклонила голову, чтобы получше рассмотреть названия.

1990–1994. 1994–1996. 1997. Альбомы. Целые дюжины.

И эти были самыми поздними. Еще несколько альбомов стояли на нижней полке, и не успела я задуматься, как мой взгляд перескочил на них.

Я боялась надеяться, боялась думать, что они могут быть датированы 1947–1951 годами.

У меня так быстро перехватило дыхание, что сердце будто зацепилось за ребра. Письма были от пятьдесят второго года. Возможно, в пятьдесят первом бабушка приезжала на Нантакет. Я почти благоговейно положила альбом на колени и открыла зеленую обложку.

Это не альбом, а альбом с вырезками. В основном страницы заполняли небольшие квадратные фотографии цвета сепии, иногда между ними попадались цветные открытки или газетные вырезки. Мне улыбались незнакомые люди, женщины с пышными прическами, мужчины с сигарами. *Бабушка.*

На снимке она смеялась. Ее идеально завитые волосы развевались на ветру, а темные губы слегка приоткрылись. Здесь она была примерно моего возраста, кожа гладкая, а в глазах радость. Я едва ее узнавала. На ней были широкие

джинсы с завышенной талией, а короткий жакет с высоким воротом довершал образ.

Она казалась такой юной.

И такой *живой*. В свои последние годы бабушка была маленькой и хрупкой. Кто эта жизнерадостная девушка, которая влюбилась, приехала на этот остров и, покинув его, больше никогда о нем не заговаривала? Я знала свою бабушку, знала Рут Коэн, которая пекла пироги, рассказывала истории и жаловалась на кондиционер, но не знала эту задорную, живую девушку, у которой не было мужа, дочери, внуки и домика во Флориде. Кем же она была на самом деле?

– Что ты тут делаешь?

Я закричала.

Всего лишь пронзительно вскрикнула и быстро замолчала. Я повернулась так поспешно, что потеряла равновесие и рухнула на спину. Потолок закружился перед глазами, пока я пыталась выровнять дыхание.

В дверях стоял парень моего возраста, озаренный светом. Он вошел в кабинет и закрыл дверь.

– О господи. Извини. Привет. – Я вскарабкалась на колени – почему я такая жалкая? – запихнула альбом обратно на полку и вскочила на ноги.

Парень грозно нахмурился.

– Ты кто?

Он был пугающе симпатичен, а это значило, что в привычной обстановке я никогда бы не заговорила с парнем с

такой загорелой кожей, темными глазами и острыми скулами, которые вполне могли бы разрезать напополам сердца. На нем были темно-синие брюки и белый свитер. В одной руке он держал цветок с желто-пурпурными лепестками.

– Я... я, эм... – От смущения я густо покраснела. Я не отважилась произнести название компании, боясь, что доставлю им проблем. – Я уборщица. Я убираю.

– Я всего лишь хотел немного тишины и спокойствия, – пробурчал он, устремив взгляд ввысь, а потом снова им меня пригвоздил к полу. – Ты убираешь.

Меня передернуло.

– Да?

– Кабинет.

Идти уж до конца.

– Да.

– Посреди вечеринки. – Его голос звучал медленно, почти мелодично, пока он невозмутимо разведывал мою историю.

– И без каких-либо чистящих средств. – Точно. Хм.

– Это новый вид... уборки.

Парень приподнял брови, давая мне молчаливый ответ.

– Я изучаю комнату, чтобы понять, что нужно убрать.

– Врешь ты ужасно.

«Я знаю, понял?» – чуть не ляпнула я, но лишь прислонилась к столу и виновато развела руками.

– Ты воровка?

– Нет! Боже, нет, я ничего *не* крала.

– Ты просто сюда вломилась.

Теперь я поняла, как легко можно запутаться.

– Я не вламывалась. Я просто случайно вошла.

– Что? – Он уставился на меня так, словно я говорила на неведомом ему языке.

– Случайно вышло. Я была в коридоре, а потом оказалась не в коридоре...

– Если ты воровка, то самая бездарная воровка на свете.

Внезапно я испытала воровскую гордость, а он ее задел.

– А ты, значит, много воров повидал в жизни? Что ты сам-то тут делаешь?

Парень проигнорировал меня, опустив глаза на нижние полки книжного шкафа.

– Ты смотрела фотоальбомы?

– Нет. – Понятия не имею, почему стала отрицать, просто на фоне воровской гордости у меня возникла небывалая тяга к жульничеству.

– Хм. – Он подошел к камину, взял с полки маленькую вазу и поставил в нее цветок. – Почему ты их смотрела?

– Ты забыл налить воду.

– Благодарю, – сказал он таким сухим голосом, что даже если бы вода в вазе и была, то она мигом бы испарилась. – Я не заметил.

Ну и ну. Какая честь познакомиться с королем сарказма. Я снова посмотрела на странные разноцветные лепестки.

– Что это за цветок?

– Ядовитый.

– Оу. – Я отпрянула. – Ты всегда разгуливаешь по тусовкам с ядовитыми цветами?

– Только если мне нужно разобраться с загадочными во-ришками.

– Я *не* воровка, – я насупилась и подняла руки. – Видишь? Ничего. – Я бросила взгляд на дверь. Парень стоял совсем рядом. Если я побегу...

Я побежала.

Парень оказался быстрее и закрыл дверь телом. Я затормозила в паре сантиметров от него, и теперь мы оказались так близко друг к другу, что мне была видна каждая из его черных ресничек. Пульс ускорился, и я отпрыгнула назад, не в силах перевести дух и перестать на него глазеть. Парень судорожно сглотнул и тоже быстро задышал, словно ему не хватало кислорода.

Но все очарование мигом пропало, как только он открыл рот:

– Выверни карманы.

– Это женские шорты, – выпалила я. – В них нет карманов. Это фальшивки.

Он уставился на меня.

– Какая глупость.

– Знаю.

– Тогда выверни сумку.

– Зачем я вообще тебя слушаю? Ты и сам сюда прокрался

тайком.

– Потому что вообще-то я здесь живу.

Я вздохнула и протянула ему свою сумку. Я почти ничего не взяла с собой – только телефон, ключи и кошелек. Парень расстегнул кошелек.

– Эбигейл Шенберг, – прочитал он. Что-то мелькнуло у него в глазах. Бывало, ты ищешь намеки, когда пытаешься понять, вдруг твой собеседник тоже еврей. Эбигейл еще можно списать на другую национальность, но фамилия и темные брови четко указывали на мое происхождение. Ладно, ладно, нос у меня тоже не самый изящный. Парень снова посмотрел на мои водительские права.

– Классная фотка. – А вот и нет.

– Если бы я хотела что-нибудь украсть, – презрительно сказала я, – то не положила бы это на видное место. Я бы спрятала вещь в лифчик или еще куда-нибудь.

Парень посмотрел на меня. Его губы еле заметно дернулись.

Проклятье.

– И проверять ты *не* будешь. Если бы так я и сделала, то не стала бы тебе подсказывать.

– Если только ты не настолько наглая.

– Это не так, уж поверь.

– Похоже, воровка из тебя отстойная. – Он приподнял на моей голове сумку. – Скажи, что ты тут делала, и я отдам ее.

– Ты не можешь отбирать у меня мои вещи.

Парень ничего не сказал. По всей видимости, мог.

– Ладно, пофиг. – Я откинула волосы от лица. – Я вынюхивала. А ты? Ты что тут делаешь?

Ручка за ним стала поворачиваться. Я резко втянула воздух, а парень отпрыгнул, когда дверь начала открываться.

O-ou.

В кабинет вошел пожилой мужчина и резко замер, нахмутив брови. Он оглядел меня с головы до ног, а потом перевел внимание на парня.

– Ной, так и думал, что найду тебя здесь.

– Я пришел за вазой. – Он показал цветок. – Миссис Грин выбрала этот. Он под угрозой исчезновения. Почему люди не понимают, что это означает: не нужно его вырывать?

– В столовой есть вазы.

– Огромные вазы. Мне нужна эта.

– Хм. Тебя ищут родители. – Мужчина снова посмотрел на меня. – Кто твоя... подруга?

– Это Эбигейл Шенберг. Эбигейл, это мой двоюродный дедушка Берти.

Я застенчиво помахала рукой.

– Здравствуйте.

– Угу. – Он оценивающе посмотрел на мой наряд. – Ты с Линдси?

С мгновение я тупо смотрела на него, а потом вспомнила, что так называлась компания по обслуживанию банкетов.

– Да?

– Тогда разве ты не должна быть во дворе?

Я посмотрела на Ноя. Смешно, потому что у него не было повода меня прикрывать. Но молодежь выручает друг друга. Старикам точно нельзя доверять после того, как они чуть не уничтожили планету.

Странно, но Ной за меня заступился.

– Я хотел ей помочь.

Брови мужчины опасно взлетели на лоб.

Ну прекрасно. Двоюродный дедушка Берти точно подумал, что мы тут мутим с его внуком.

– Но мы уже закончили, – поспешно сказала я. – Вы правы, мне нужно вернуться к работе. Эти бокалы для шампанского сами себя не обслужат.

Честно, порой я говорила такие глупости, что у меня начиналась непереносимость лактозы.

– Сами управятся, – сказал Ной.

– Ной, – с раздражением произнес его дедушка. – Тебе пора попрощаться.

Ной поджал губы, и я была уверена, что вот сейчас он меня сдаст. Но он просто кивнул.

– Оставь нас на минутку, а потом я найду папу и маму.

Поупрямившись, пожилой мужчина все же вышел из комнаты и прикрыл дверь.

Но не до конца. Ной толкнул ее до щелчка. Повернувшись ко мне, он снова приподнял мою сумку.

– Ну?

В голове что-то щелкнуло.

– Тебя зовут Ной.

Он бросил на меня нетерпеливый взгляд.

«Откуда такой интерес?» – сказала Джейн, когда я спросила про дом Барбанелов, а Эван, богачей Эван, который вертелся в этих же кругах, сказал тогда: «Ной?»

– Ты Барбанел.

Он кивнул.

– Было бы странно, если бы сюда пробрался кто-нибудь с вечеринки.

У меня возникло странное ощущение дежавю, хотя мы точно никогда не встречались.

– Ты внук Эдварда Барбанела.

– И что?

Я немного безумно рассмеялась.

– Просто смешно все это. Ты. И я. Здесь.

Ной посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Что?

Я показала рукой.

– На картине запечатлен свет от воды.

– С тобой всегда так трудно разговаривать?

Дверная ручка снова загремела, и мы вздрогнули. Ной посмотрел на дверь так, словно мог силой мысли прогнать чужака. В комнату проник девчачий голос:

– Ной! Я знаю, что ты там. Тебя искал твой папа, еще вчера.

Ной вздохнул и открыл дверь. В дверь протиснулась девушка на год или два младше меня.

– Дядя Берти ни за что не скажет... – Она замерла, и ее тон изменился. – Ой.

Ной простонал.

– Скажи им, что я скоро приду.

Она проигнорировала его и внимательно посмотрела на меня. Против нее мне точно не выстоять. На девушке было черное платье с яркими цветами, вышитыми по подолу, а ее блестящие локоны цвета темного шоколада изящно лежали на плечах. Мои же волосы были кудрявыми, как у Энн Хэтэуэй в первой части фильма «Как стать принцессой». Я, конечно, выучила Первую заповедь идеальных волос (после душа проводи по волосам не расческой, а пальцами), но к концу дня мои кудри все равно превращались в полнейший беспорядок.

Она прищурилась.

– А ты кто?

– Эбби. Привет.

Она смерила меня критичным взглядом.

– Ты... из кейтеринговой компании?

– Эм. – Я попыталась поправить очки, но вместо того ткнула себя пальцем в переносицу. Верно, я же сегодня надела линзы. – Типа того.

– Ладно. – Она выразительно посмотрела на Ноя, словно говоря: «Ты тискаешься с прислугой?» – Я передам дяде

Гарри, что ты придешь через пять минут. С тебя должок.

После того как девушка ушла, я раскинула руками.

– Похоже, тебе правда пора.

– Расскажешь мне об этом. Завтра. – Ной вытащил телефон. – Какой у тебя номер?

Я напечатала ему свой номер.

– Но завтра я работаю.

– Увидимся после работы. Где и когда?

– В пять. Я работаю в «Проуз Гарден».

Он нахмурился.

– Ты работаешь в кейтеринге и книжном магазине?

– О. Хм. – Я сглотнула. – Кейтеринг скорее работа на один раз.

Он раздраженно вздохнул.

– Надеюсь, у тебя найдется достойное оправдание, как ты тут очутилась, Эбигейл Шенберг.

– Так и есть. Клянусь.

Чрезмерное любопытство ведь сойдет за оправдание?

Я очень, очень сильно облажалась.

Глава 4

30 марта, 1958

Ты забудешь меня. Говорят, любовь – это решение быть вместе, решение в пользу другого человека каждый божий день. Это выбор быть рядом друг с другом. Но мы больше не увидимся, верно?

Ты перестанешь меня любить. Выбери любовь к Хелен. Я очень тебя прошу.

Будь счастлив.

В первый рабочий день в «Проуз Гарден» я надела свое платье в стиле Алисы в Стране чудес. Оно было точно такого же небесно-голубого цвета, что у Алисы, и идеально подходило под мое настроение затеряться в Стране чудес. Я не принадлежу этому миру с его чрезмерно большими домами, странными персонажами и таким безмерным богатством, что можно было бы окрасить все розы на острове в красный цвет. Но этот мир казался мне загадочным, интригующим и очаровательным.

Утро было раннее, но люди уже брели по мощеным улочкам Нантакета, помахивая пляжными дизайнерскими сумками. Легкий ветерок колыхал листья на деревьях, принося

запах океана, а утреннее солнце грело, но не обжигало. Мне никак не удавалось привыкнуть к очарованию этого города. Сомневаюсь, что смогу когда-нибудь сделаться бесчувственной к этим самобытным витринам магазинов. У окон в горшках росли цветы, а на вывесках были красиво выведены названия булочных и антикварных магазинчиков.

Джейн рассказала, что здания на Нантакете в основном покрыты серой черепицей, но не потому что так их покрасили, а потому что натуральный кедр со временем выцвел до умиротворяющего серого цвета. Но книжный магазин, приютившийся между двумя высокими зданиями из красного кирпича в переулке от главной улицы, был покрыт белой черепицей. Вход украшала решетка, увитая розами. Подойдя к ней, я занервничала. Я довольно долго проработала в городской библиотеке и была уверена в своих книжных познаниях, но новая работа – новое начало – всегда меня пугали.

Я распахнула дверь, и все напряжение мигом улетучилось. Магазин был полон света, воздуха и тихой классической музыки. Плечи опустились. В комнате, полной книг, дышать становилось легче, словно бумага хранила свойства деревьев, которыми она когда-то была. В этой комнате книг было больше, чем в моей спальне, или в спальне родителей, или в нашей гостиной, хотя одна стена у нас была полностью уставлена книжными полками. В магазине оказался целый лабиринт из книг, высоких стеллажей с книгами. Здесь легко затеряться. И легко найтись.

За стойкой сидела женщина и читала книгу в твердом переплете без суперобложки. Я улыбнулась излишне оживленно.

– Здравствуйте, я Эбигейл Шенберг. Я к вам на лето.

– О, прекрасно. – Женщина с внезапной грациозностью встала. – Лиз! – крикнула она за спину и улыбнулась. – Я – Мэгги. Давай я все тебе тут покажу.

Мэгги была дочерью друзей семьи знакомой невестки библиотекаря из моего родного города. Я ничего из этого не придумала. На ней было розово-белое платье в горошек и повязка на голове, а ее партнерша Лиз с фиолетовыми волосами была с ног до головы одета в черное. Пара «джем и арахисовое масло», как называла их мама. Идеальные противоположности. У них было три работника на полную смену и еще парочку они нанимали на лето. Другие временные сотрудники вернулись студентами колледжа, и мне повезло получить освободившееся место.

Через десять минут я постановила, что обожаю Мэгги и ее кричащую жизнерадостность. Она показала, как вести журнал записей, как сверяться на полках, что нужно передвинуть или добавить, как ориентироваться по картам, на каком выставочном столе разложить книги. Один такой стол они посвятили Второй мировой войне, и на обложках книг были изображены женщины с короткими стрижками и в длинных пальто. Бабушка. Я полночи размышляла над ее фотографией. Какой ее жизнь была здесь, в «Золотых дверях»?

Мэгги обучала меня, пока по магазину бродили люди, и с легкостью переключалась с назидательного режима на услужливого торговца книгами. Ей почти каждый раз удавалось понять, что хочет покупатель до того, как он сам это понимал. Кто-то говорил: «Я слышал об этой книге», и, не выпрашивая никаких подробностей, Мэгги доставала из-за спины книгу, и она оказывалась *той самой*.

– Как... что... у меня слов нет, – сказала я.

Мэгги засмеялась.

– Сегодня это книга дня. К тому же это единственные магические чары, что мне подвластны, так что нужно пользоваться ими по максимуму.

Ей удавалось покорить даже самых привередливых читателей. Одна женщина лет двадцати сначала отмахнулась от Мэгги, но в итоге призналась, что любит фэнтези и ищет нового автора.

– Н.К. Джемисин?

– Читала.

– Шэрон Шинн?

– Читала.

– Кейт Эллиот?

– Читала?

– Ннеди Окорафор?

– Читала.

С каждым отказом Мэгги воодушевлялась все больше и больше.

– Кэтрин Аддисон, – сказала она. – «Гоблин-император».
Девушка замерла. Наклонила голову.

– Хм. Нет. По-моему, не читала.

После того как покупательница ушла с книгой, Мэгги рухнула на мягкое кресло возле камина и небольшого бара и принялась обмахиваться журналом. Я не могла решить, это наигранность или нет.

Я взгромоздилась на подлокотник стоящего напротив кресла.

– Я под впечатлением.

– Знаю. – Мэгги кинула журнал на приставной столик и стала с силой махать второй рукой. – Мы – хранители знаний, и наш священный долг – объединять читателей и тексты.

Лиз выглянула из-за компьютера с другого конца комнаты. Она занималась описью товара и финансами, а еще создавала сайт, где вела блог и общалась с пользователями. Мэгги участвовала в жизни магазина скорее лично.

– Какая же ты странная.

– Я гений. Волшебник. Она полюбит ту книгу. А помнишь даму в прошлом месяце, которая говорила, что ее сын не любит читать, а я убедила ее купить «Создатели чуда», а через три дня она вернулась и купила всю серию? А «Маллореон»?

– Теперь она неделями ужинает за чтением этой истории, – поведала мне Лиз.

– Потому что она изумительная. Как и я. Итак, Эбби, ты

впервые на Нантакете? – (Я кивнула.) – Тебе будет очень весело. Господи, хотела бы я снова оказаться семнадцатилетней девчонкой на Нантакете.

– Нет, это не про тебя, – сказала Лиз. – В семнадцать ты была сварливым готом.

– Верно, – мирно согласилась Мэгги. – К старости я угомонилась. Стала примитивной.

Мне понравилась шутливая болтовня Лиз и Мэгги, но с приближением конца смены я ощутила напряжение, которое сковывало все тело. К половине пятого я вздрагивала от каждого звонка колокольчика, сообщающего о прибытии нового покупателя.

И после уймы ложных тревог звонок на двери наконец объявил о его приходе.

Это почти застало меня врасплох, поскольку я привыкла, что каждый раз заходил не Ной. Я застыла посреди раздела с мистикой с книгой в руках. Ной буквально сразу остановил на мне свой решительный взгляд, оказавшись по другую сторону тележки с книгами. От ветра его волосы растрепались.

– Значит, тут ты работаешь.

– Да. – Я поставила книгу на место. – Но уйти раньше пяти не могу.

– Ладно.

Я поставила на полку еще одну книгу. И еще. А потом снова бросила быстрый взгляд на Ноя.

– Так и будешь тут торчать?

Он пожал плечами.

– Надо же как-то убить десять минут.

– Хм.

– Ты могла бы помочь мне найти книгу.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Какую книгу?

– Ты же работаешь в магазине с книгами.

– А что тебе нравится читать? – Я окинула его взглядом. –

Джеймс Джойс? Дэвид Фостер Уоллес?

– Чего ухмыляешься?

– Я не ухмыляюсь.

– Мне нравится научная фантастика, – сказал он, чем меня удивил. – Джон Скальци. И Ле Гуин.

– Ага, – задумалась я. – Интересно.

Ной с подозрением взглянул на меня.

– Почему?

Потому что я была очень субъективно настроена, а теперь мне нужно произвести повторный анализ.

– Ты читал «Слуги правосудия» Леки?

– Вряд ли.

– Если тебе нравится Ле Гуин, то может понравиться и эта писательница. И «Пространство» Кори. – Всегда приятно рекомендовать книгу, на основе которой сняли сериал.

Я вытащила первые книги из обеих серий и отнесла их на кассу, где взяла протянутую Ноем карточку.

– Платиновая. Мило.

Он насупился.

Вот тебе расплата за то, что издевался над моей фотографией на правах. Я прочитала его полное имя.

– Ной Ари Барбанел.

– Номер тоже хочешь зазубрить наизусть?

– Я подумаю над этим. – Я отдала ему карточку и книги, засунув чек под обложку одной из них.

– А пакет?

– У нас экологический кризис.

– Да ты издеваешься.

– Через несколько веков Нантакет окажется погребен под волнами. – Я притворно изобразила виноватую гримасу, делаясь любопытной подробностью, которую мне рассказала Джейн вместе с фактами о черепице из кедра.

Ной выглядел раздраженным.

– Не тебе читать мне лекции о Нантакете.

– Ной! – Из подсобки вышла Мэгги. – Рада тебя видеть.

– Здравствуйте, миссис Эм. – Ной улыбнулся, и я отвела взгляд. Немного нечестно с его стороны быть таким богатым, начитанным и обладать сногшибательной внешностью.

– Как ты? Только приехал?

– Да, на прошлой неделе. А вы как?

– Отлично, наращиваем силы к сезону. Ты знаком с Эбигейл? Она останется тут на лето.

Теперь Ной улыбался мне, но улыбка была язвительной.

– Мы давно знакомы. Как раз собирались прогуляться, если она закончила смену.

– О, правда? – Мэгги с интересом на меня посмотрела. – Чем займетесь?

– Всего лишь банальным допросом, – ляпнул Ной.

Почему мне вдруг стало так жарко и неловко?

– Схожу за сумкой.

Как только мы вышли на улицу, он засунул мне в сумку свои книги.

– Раз уж ты отказала мне в пакете.

– Пф. Ты знаком с Мэгги?

– Остров маленький. Пересекались.

Мы перешли дорогу и направились к порту.

– Куда мы идем?

– Мы гуляем.

– Куда-то конкретно?

– Нет. Так в чем твой секрет?

Я сглотнула.

– Ха, прямо к сути перешел.

– Я из-за тебя как на иголках.

– Ладно. Что тебя интересует?

– Давай начнем с главного. Как ты оказалась в кабинете моего деда?

Ной пригвоздил меня взглядом к месту, а поскольку он был на голову выше, то мне пришлось изогнуть шею, чтобы взглянуть ему в лицо. Солнце озарило его кудри золотистым

ореолом, словно вселенная решила окружить парня ангельским светом.

Мы дошли до деревянного пирса, и я окинула порт взглядом. Сегодня Нантакет-Саунд был гладким, как стеклышко. Небольшие судна спокойно покачивались над своими отражениями. Океан казался прирученным, прикованным лодками, окруженным пристанью и сушей. Ложь. Океан невозможно приручить.

– Он был знаком с моей бабушкой.

– Хорошо...

Я засунула руки в карманы платья и посмотрела ему в глаза.

– Он писал ей любовные письма. Я нашла их пару месяцев назад.

Ной удивленно вытаращил глаза.

– Думаешь, мой дед пишет твоей бабушке любовные письма?

– Нет, не сейчас, а много десятилетий назад.

– Когда?

– С пятьдесят второго по пятьдесят восьмой год. Ей тогда было восемнадцать, а ему двадцать два.

Ной решительно встряхнул головой.

– Невозможно.

– Правда? Потому что они были от Эдварда из «Золотых дверей».

– Эдвард – популярное имя. Это мог быть садовник, по-

вар, уборщик...

Боже милостивый, да это привычный персонал Аббатства Даунтон.

– И он писал о том, что рисовал свет.

– Что?

– В одном письме он писал, что пытается изобразить свет океана. Я видела такую картину в кабинете твоего деда.

Ной нахмурился.

– Может, это вовсе не любовные письма и были.

– Хм. – Я задумалась о еще нескольких, кхм, романтических пассажах. – И все же это любовные письма.

– Невозможно.

– Почему? – приняла я вызов. – Потому что в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом Эдвард женился на твоей бабушке?

– Откуда ты об этом знаешь? – огрызнулся он.

Я шагнула назад, удивившись его ярости.

– Есть такое модное изобретение, я называю его Гуглом.

Ной поджал губы.

– Да, он женился. Так что мой дед не стал бы писать любовные письма другой девушке в тот же год.

Уф. Я уставилась на мягкую ткань его рубашки поло.

– Не хочу тебя расстраивать, но...

– Вот и не нужно. – Ной продолжил идти широкими шагами.

– Что? Я никого не осуждаю, но это возможно. – Я уско-

рила шаг, чтобы нагнать его. – Разве тебе не любопытно?

– Изменял ли мой дедушка бабушке? Нет.

– Может, твои бабушка с дедушкой познакомились после того, как закончились отношения Эдварда и моей бабушки. И, ну... они быстро поженились.

– До свадьбы они встречались несколько лет.

Я задумалась. Несколько лет? Но Эдвард и бабушка писали друг другу любовные письма в течение шести лет. И некоторые из них были довольно чувственными. И он точно ни разу не упоминал Хелен.

– Может, они расставались и снова сходились? Или взяли паузу? Это вполне резонно. Кто захочет провести с одним человеком всю оставшуюся жизнь? – Когда Ной бросил на меня скептический взгляд, я стала ему объяснять: – Нереально считать, что твоя первая любовь станет и последней. Люди меняются, понимаешь? Может, в один такой день ты безумно влюблен, а в другой – уже нет.

Парень взглянул на меня с большим интересом, как будто впервые увидел во мне не проблему, а личность.

– Я так понимаю, недавно ты пережила расставание.

– Да уж, – вздохнула я. – Четыре месяца назад меня бросил парень. Все нормально. Он не вызывал у меня сильных чувств.

– Тогда почему ты с ним встречалась?

– Отличный вопрос. – Сначала мы с Мэттом не особо дружили. Я вертелась в заурядной компании творческих бо-

танов, а он набирался успеха, будучи капитаном футбольной команды, президентом Национального общества почетов или дискуссионного клуба. Нас поставили в пару на химии, и как-то все само закрутилось. – В теории он был отличным парнем. Думаю, в этом и заключалась вся соль. Оказалось, отношения мешают ему составить достойное резюме в колледж.

– Неприятно.

– Да, не самый положительный жизненный опыт.

Мы прошли еще немного вперед.

– Ладно, – заявил Ной, – значит, ты считаешь, раз уж твои отношения провалились, то все отношения обязательно провалятся, и поэтому мой дед изменял моей бабушке?

– Боже мой, ты что, серьезно? Ты чересчур экстраполируешь.

Ной засмеялся.

– Чего ты смеешься?

Он с ухмылкой посмотрел на меня.

– Отличное применение термина «экстраполяция».

– Спасибо. Наверное.

– И поэтому ты заявила в мой дом. Зачем?

– О. – Я поправила очки на носу. – Я не хотела совать нос в чужие дела, честно. Но я несколько месяцев пыталась связаться с твоим дедушкой...

– Что? – Ной уставился на меня. – Ты хотела поговорить с дедом?

– Да. Если он писал письма моей бабушке...

– Нет, – настойчиво покачал головой Ной. – Его в это не втягивай. Что говорит твоя бабушка?

– Она умерла. В прошлом году.

– Оу. – Ной откашлялся. – Соболезную.

– Спасибо.

Несколько секунд мы помолчали, а потом у него вырвался еще один вопрос.

– Чего ты хочешь от моего деда?

– Узнать больше о моей бабушке. Мы понятия не имели, что она когда-то была на Нантакете. Мы мало знаем про ее семью, она практически ничего о них не рассказывала. Может, этот парень – твой дедушка – знает о ней больше, чем мы. О них. К тому же глупо считать, что она была влюблена в парня в моем возрасте, но больше ни разу о нем не упоминала.

– Потому что ты планируешь рассказать будущим поколениям о «Сильных чувствах в теории»?

У меня невольно вырвался смешок.

– Нет. Хотя я бы не сказала, что мы были влюблены. Ну, то есть не так, как эти двое. К тому же... – Я замешкалась.

– Что?

Я подняла подбородок, прекрасно понимая, что эта часть вызовет споры.

– У него осталась одна из ее вещей. Ожерелье. Я хотела бы узнать, что с ним стало.

Ной устремил взгляд на ровную гладь бесконечного моря, а потом снова посмотрел на меня.

– Нет.

– Не поняла?

– Меня вдруг заинтересовало прошлое твоей семьи. – Он запихнул руки в карманы и вытаращился на меня. – Но копаться в событиях пятидесятилетней давности? Об этом явно не стоит разговаривать с моим дедом.

Я рассердилась.

– Не знала, что тебе решать, какие разговоры важны, а какие – нет.

– Слушай, – вздохнул Ной, – уверен, ты милая девушка. Но ты здесь не живешь. У тебя нет полного представления о том, что здесь происходит. Это не приключение, где ты можешь вообразить себя Нэнси Дрю. Мои бабушка с дедушкой – живые люди, и им не нужно, чтобы ты баламутила воду.

– Я не пытаюсь «баламутить воду»...

– Разве? Потому что, по моему мнению, визит на остров на целое лето говорит об обратном.

– Я просто хотела поговорить с некоторыми людьми...

Ной посмотрел на меня пронзительным авторитарным взглядом.

– С «людьми»?

Разволновавшись, я помедлила с ответом.

– Ну да. С твоим дедом и другими людьми на острове, которые жили в те времена и могли ее помнить... в письмах

указаны некоторые имена и адреса...

– Выходит, ты определенно планируешь взбаламутить воду. – Ной был в бешенстве. – Это не твоя семья. Не твой остров. Не лезь.

От чувства бессилия в животе стало жарко, а сердце сжалось. Обычно своим мнением я делилась лишь с родными, а остальным старалась показывать более кроткую и вежливую натуру. Как-никак, девушкам положено быть милыми.

Как же я устала быть милой.

– Знаешь что, Ной Барбанел? Это не твое дело. – Наши взгляды скрестились – сердитые и упрямые. – Ты не имеешь права диктовать мне, что делать. Мне не нужно твое разрешение на разговоры с остальными.

Он поджал губы.

– Я могу тебе заплатить.

– Ты прикалываешься? – Меня охватила свирепая и дикая ярость. Да кем возомнил себя этот парень! – Тебе меня не подкупить.

– Почему бы и нет?

– Да пошел ты! – Я не знала, как реагировать. Меня лишили возможности адекватно выражать свои мысли.

– Я не хотел тебя оскорбить. Подумай об этом.

– Не буду я думать об этом! Ты не сможешь всю жизнь подкупать людей, чтобы получить желаемое. Мир не так устроен. – Увидев скепсис в его глазах, я продолжила: – Мир *не должен* быть так устроен. Нет, если у тебя есть хотя бы

капля достоинства.

Ной сжал челюсти.

– Ты здесь никто, Эбигейл Шенберг. Ты вломилась в *мой* дом. Рылась в вещах *моей* семьи.

– Ты прав. Я наломала дров. Но у меня есть полное право пытаться узнать историю моей бабушки.

– А у меня есть право защищать личную жизнь моей семьи. Последний раз предупреждаю, Эбигейл: держись от них подальше.

– Дело не в твоей семье, а в *моей*!

– Правда? – с суровым взглядом сказал он. – Что-то не вижу твоей семьи на Нантакете. Это не им придется разбираться с последствиями.

– С какими еще последствиями? Я просто хочу задать несколько вопросов!

– Не вздумай. – Ной сверлил меня твердым, как окаменелое дерево, взглядом. – Если будешь упорствовать, я могу усложнить тебе жизнь.

Я шагнула назад.

– Ты мне угрожаешь?

– Просто к сведению. Я могу помочь тебе, а могу и помешать. Решать тебе.

– Пошел ты, Ной Барбанел. – Я вытащила из сумки его книги и пихнула их ему в руки. Из-за гнева мне даже не удалось четко сформулировать свои мысли. – Серьезно, пошел ты далеко и надолго.

У него дрогнул подбородок, но он все же забрал книги из моих рук.

– Подумай над тем, что я сказал.

– А ты подумай над тем, чтобы перестать быть таким козлом. – Я одарила его дерзкой, упрямой улыбкой. – Желаю в этом удачи.

Глава 5

Список тем, на которые мы с бабушкой не разговаривали:

1. Путешествие из Германии в Штаты в возрасте четырех лет без посторонней помощи.
2. Ее первые годы в Америке.
3. Ее родители, которых по прибытии в Освенцим убили в газовых камерах.
4. Война.
5. Нацисты.
6. Каково быть немкой и еврейкой.

Список тем, на которые мы не разговаривали с мамой:

1. Ее отношения с матерью.

На четвертый день моего пребывания на острове мама прислала письмо на мою электронную почту с темой «???» и без сообщения, прикрепив только ссылку на статью в «Атлантик» о том, что в сравнении с десятилетней давностью современные подростки меньше времени проводят с друзьями и жалуются, что стали чувствовать себя более одиноко.

Спасибо, мам!! – ответила я.

Маме не всегда удавалось уловить интонацию в моих

письмах, но даже она наверняка бы заметила сарказм, подчеркнутый двойным восклицанием. Почта Гугла тут же предупредила меня о новом сообщении, потому что мама, по всей видимости, подумала, что почта и сообщение одно и то же.

Тебе одиноко??

В ее случае удвоенная пунктуация сигнализировала не о сарказме, а о серьезности ее вопроса. Она слишком за меня волновалась. Я ей перезвонила.

– Алло?

– Мне не одиноко, мам. У меня есть работа...

– Подожди! Мне нужно поправить эту штуку на ухе, повиси...

Я закатила глаза и, пока ждала, кликнула на ссылку в боковом поле, чтобы почитать статью про климатическую политику.

– Все, готова. Привет. Тебе понравилась статья?

– Считаешь, мне одиноко? Мне не одиноко.

– Я знаю. – Ее обороняющийся тон ясно давал понять, что мама врет. – Но там написано...

– Мам, ты разве не заметила мой миллион друзей?

– Верно. – В ее голосе появилась надежда. – У тебя отличный коллектив. Но как же Нантакет? Ты никого там не знаешь?

– У меня приятная соседка. Я познакомилась с ее друзьями.

– Ладно. Хорошо. Ведь ты же знаешь, что люди – стайные животные. Тебе нужна стая.

– Мам, все нормально.

– Ты ни разу не позвонила с тех пор, как доехала.

Порой убедить маму, что я умею приспосабливаться к новой обстановке, равносильно смыслу моего существования. Временами она паниковала из-за своих родительских навыков, словно я была суфле, которое вот-вот растечется по тарелке. Я подозревала, что родители не особо окружали ее заботой, поэтому мама была мало осведомлена о том, как нужно вести себя родителю. Справедливости ради, на родительский подход бабушки и дедушки, наверное, повлияло их детство. Думаю, они считали так: дети живы, сыты и им не грозит опасность от нацистов? Класс, все будет отлично.

– Я пробыла здесь всего три с половиной дня, – напомнила я маме. – И вообще-то именно я только что тебе позвонила. И писала тебе каждый день.

– Верно. – В ее голосе все равно звучала печаль. – Может, поболтаем по видео?

Мы проболтали примерно сорок пять минут. Периодически в разговор вступал мой брат Дэйв. Папа расспрашивал меня о морских ракушках на Нантакете, но подходящих ответов у меня не нашлось. Мама хотела знать о каждом человеке, с которым я контактировала, и из этих сведений вполне можно было составить карту наших отношений. Вынуждена признать: я не стала увиливать от ее расспросов.

Мои родители были милыми. Милыми и влюбленными до тошноты, писали слащавые валентинки и забывали о существовании других людей. Они до сих пор флиртовали, обсуждая их свадьбу и первое свидание. Папа шутил, что собирался жениться на богачке, и мама всегда отвечала, что это она собиралась за богача, а потом оба ухмылялись и украдкой целовались.

Когда ты растешь в окружении безумно влюбленных людей, это здорово на тебя влияет. Ты ненароком начинаешь считать, что такая разновидность любви не только возможна, но и необходима. Начинаешь полагать, что твой партнер должен вести себя так, словно для него ты самый важный на свете человек.

Наверное, это все-таки неразумно.

Закончив болтать с родителями, я плюхнулась на кровать. На потолке плясали солнечные зайчики, а через открытое окно в комнату проникал летний воздух. Конечно, последние пару дней я чувствовала себя немного одиноко, но признать в этом мамам, склонным к лишней тревоге, не стоит. Если иногда мне одиноко, что с того? Всем бывает одиноко. Отправлю-ка я эту статью в «Атлантик».

Лучше бы журналисты и дальше хейтили миллениалов и отстали от моего поколения. Я взяла телефон и набрала номер своей соседки. Риск – дело благородное.

Я: Привет! Помню, ты упоминала, что в субботу вы со-

бираетесь на пляже? Если планы еще в силе, можно с вами?

Джейн: Да, конечно! Только сегодня я у тети – нужно провести время с семьей, лол, но завтра вернусь.

В субботу мы с Джейн пошли на пляж, но перед этим за-
скочили в пекарню ее семьи за провиантом для пикника. На
одной выбеленной стене висели фотографии Азорских ост-
ровов, а у другой стояли полки с бакалеей. Покупатели мед-
ленно ползли к кассе, за которой лежали выпечка и полные
корзины свежего хлеба. Джейн тайком провела меня в под-
собку, где мы нагрузили контейнеры супом из капусты кале,
португальскими колбасками и меренгами.

Потом мы направились в дом тети Джейн, дворик перед
которым утопал в гортензиях, а сзади стояло несколько ве-
лосипедов. Джейн кивнула в сторону светло-голубого.

– Можешь одолжить велик Арии. Извини, что он такой
слащавый. Ария любит, чтобы все было идеально, как в Ин-
стаграме.

Спереди к велосипеду была прикреплена плетеная кор-
зинка с розовыми лентами.

– Мне нравится.

Мы погнали на велосипедах по узким дорожкам, вдоль ко-
торых росли полевые цветы, мимо извилистых деревьев и до-
мов в привычном для Кейп-Кода стиле. Песчаные остров-
ки между травой и асфальтом стали шире, пока перед на-

ми не раскинулась пляжная парковка. Мы оставили велосипеды и погрузили ноги в теплый песок, песчинки просочились между пальцев. По ярко-голубому небу плыли пушистые, как хлопок, облака, а пляж был усеян людьми. Стоял идеальный летний день: солнце еще не обжигало, а бриз приносил легкую прохладу.

На хаотично раскиданных пледах и полотенцах разлеглась та компания, с которой я познакомилась на прошлой неделе. Уголки пледов были придавлены обувью и сумками. Лекси, лучшая подруга Джейн, сидела плечом к плечу с девушкой азиатской внешности, которую я раньше не видела. Сдается мне, это ее девушка Стелла.

– Мы пришли. – Джейн поставила выпечку в центр. – Можете нас отблагодарить.

Эван, стильный богатей, ухмыльнулся.

– Какое у нас самомнение.

– Имею право.

Кто-то подсоединил телефон к колонкам, и на весь пляж заорала музыка. Мы разорвали пакетики с чипсами и крендельками и открыли газировку. Джейн стянула кроп-топ и вылезла из шорт, и я последовала ее примеру, раздевшись до самого консервативного бикини из двух комплектов, что привезла с собой. В один прекрасный день обязательно надену купальник нахального красного цвета. Но не сегодня.

Когда половина компании принялась играть в тачбол, оставшиеся девчонки начали сплетничать по поводу отно-

шений. Я слушала их разговор, нежась на солнце и растекаясь от жары на полотенце. Тепло обладало теми же расслабляющими свойствами, что и массаж, и снимало напряжение. Стелла повернулась ко мне. На ней был слитный купальник с леопардовой расцветкой, а возле шеи болтались длинные серьги.

– А что насчет тебя? Встречаешься с кем-нибудь?

– Нет. – Я вспомнила наказ Нико обрести немного хуцпы. – Но я бы не отказалась от курортного романа. В прошлом году я, э-э-э, встречалась дома с парнем, но он порвал со мной, чтобы бросить все силы на поступление в колледж.

– Фу, парни, – сказала Стелла. – Не волнуйся, это отличное место, чтобы поразвлечься. Лекси говорит, ты познакомилась с Ноем Барбанелом, когда вломилась в «Золотые двери», – она игриво подвигала бровями.

Лекси дернула Стеллу за волосы.

– Формально это не было взломом.

– Было. Ты соучастница преступления. – Стелла чмокнула Лекси в губы. – За это я тебя и люблю. У меня всегда был отличный вкус на сообщников. – Она снова обратила внимание на меня. – Итак?

– Он придурок, – решительно заявила я.

Джейн усмехнулась.

– Не волнуйся, на пляжных вечеринках ты всегда можешь замутить с кем-нибудь.

Я удержалась от признания, что никогда не буду мутить с

левым чуваком (хотя я целовалась со вторым кузеном Тессы Фогельсон на ее бар-мицве, но он вдруг застеснялся и сбежал, что о-го-го как придало мне уверенности в себе), потому что вернулись остальные ребята и плюхнулись на покрывала, являя собой шумный и энергичный клубок длинных конечностей и пота. Эван стащил воду у Джейн и сделал несколько жадных глотков.

– О чем болтаете?

– Секрет. – Она забрала бутылку и стукнула ей Эвана по плечу.

Рядом с нами шлепнулся Пранав, уставившись в свой телефон.

– Сидни придет.

– Сидни! – радостно воскликнула Джейн. – Класс! Как она?

– Хорошо. Приехала вчера вечером.

Сидни, похоже, девушка Пранава. Тоже из Англии и тоже стажер в архитектурной фирме.

– Ребят, от вас воняет, – сказала Стелла. – А еще жарко. Кто хочет поплавать?

– Сначала поем, – ответил один парень, набив рот сосисками.

– Я с тобой, – сказала я Стелле.

Мы направились к воде. Волны набросились на наши ступни, покрыв пеной лодыжки, а потом белой паутиной схлынули обратно. Мир перед нами был ярко-голубого цве-

та.

– На счет три? – крикнула Стелла, и мы с криками и брызгами ринулись в воду. Темный и молчаливый океан сомкнулся вокруг меня.

Я дрожа вынырнула. На губах выступила соль, а волосы прилипли к голове, как морские водоросли. Стелла вынырнула рядом со мной и откинула назад свои длинные черные волосы.

– Бр-р!

Мы согрелись, быстро и плавно плавая, как тюлени, загребая воду руками и активно толкая ее ногами. Привыкнув к температуре, мы с радостью лежали на воде.

– Ты на острове впервые? – спросила она.

– Да. Ты тоже?

Стелла кивнула.

– В прошлом году приезжала пару раз в гости к Лекси, но оставалась на одну-две ночи. Сейчас гораздо лучше. В этом году у нас будет идеальное лето.

Я перевернулась на спину, наблюдая, как проникают сквозь облака солнечные лучи. Идеальное лето. Я в деле.

– Так что там у тебя за проблемы с Пранавом и его девушкой? – позже, когда мы стояли у парных раковин в нашей ванной и готовились ко сну, спросила я у Джейн.

– Что ты имеешь в виду под «проблемами»?

– Ну, ты была слишком милой, когда она пришла. Обняла

ее, как давно потерянную сестру.

– Не знаю. – Голос Джейн звучал печально настолько, насколько это возможно, когда зубная щетка мешает произносить согласные буквы. – Это странный защитный механизм. Словно если я буду с ней очень дружелюбной, то никто не заметит, что я по уши втюрилась в ее парня.

Ожидаемо.

– Разве это не стереотипное поведение? Если ты слишком часто спрашиваешь о чьем-то партнере, то причина в том, что ты на него запала.

– Господи, что? – ужаснулась Джейн. – Нет, это не так. Господи, это так?

Я начала смеяться и не могла остановиться.

– Уверена, что это так.

Мы подготовились ко сну и выключили свет. Наши кровати разделяла полоса лунного света. Я перевернулась, чтобы видеть силуэт Джейн.

– Спасибо, что разрешила пойти с тобой.

– Без проблем. Без друзей тяжело. И мне может понадобиться еще один друг. – Она вздохнула. – Я рада, что этим летом приехала Стелла – Лекси скучала по ней в прошлом году. Но раньше, когда у нас с Лекси было свободное время, мы тусовались, а теперь она проводит все свободное время со Стеллой. И это нормально, я рада за них и пытаюсь не завидовать. Но я скучаю по подруге.

Я ее понимала. Я была очень рада за своих друзей: за

Брук, которая получила работу воспитателя детского лагеря в Вермонте; за Нико, которая подрабатывала программистом в Стэнфорде; за Хейли, которая во время языковой практики посмотрела Испанию. Но каждый раз, когда я узнавала об их отъезде, то начинала грызть ногти и до крови обкусывала кутикулу. А теперь я сбежала на Нантакет.

Я уставилась на лунный свет на потолке. В сгущающихся сумерках стало очевидно, что я не просто убегала от одиночества, пыталась узнать прошлое бабушки или подготовить материал для эссе в колледж. Я хотела большего. Я мечтала о приключении. Пыталась найти цель в жизни.

Насколько трудно окажется все это обрести?

Глава 6

В День независимости я проснулась от витающего в доме аромата сахара и клубники.

– Доброе утро, девочки, – сказала миссис Хендерсон, когда мы с Джейн поплелись на первый этаж, соблазненные этим запахом, как Одиссей, которого заманили sireны.

– Что готовите? – спросила Джейн.

Миссис Хендерсон улыбнулась с беззаботностью пекаря, знающего цену своему искусству, и кивнула на стоящий на столе пирог. Желтое тесто было усыпано темно-рубиновой клубникой.

– Клубничный пирог для пикника в бридж-клубе. По рецепту моей бабушки.

Узнав, что пирог не для нас, мы с Джейн понуро опустили плечи.

– О, – с сожалением произнесла я.

Элли Мэй покрутилась возле нас, облизала нам пальцы, а потом бросила это занятие, выяснив, что у нас нет ничего вкусного.

Миссис Хендерсон махнула рукой за спину, и мы поняли, что на кухонном уголке остывает второй пирог.

– Но я удвоила состав, потому что зачем есть десерт только на ужин, если можно отведать его и за завтраком?

– И он с клубникой, а значит, полезный, – радостно ска-

зала Джейн. Втроем мы вытащили стулья и сели за стол.

После того как миссис Хендерсон ушла, мы с Джейн переоделись и засунули ноги в сандалии. Увидев, как мы направляемся к двери, Элли Мэй жалобно завывала. Джейн вцепилась в мою руку.

– Держись.

– Мы ее предаем. – Я оглянулась, и лай Элли Мэй сменился трагическим воем. Она умоляла нас проникновенным взглядом. – Мы воплощение зла.

Джейн замялась. Элли Мэй с надеждой завиляла хвостом.

– Проклятье, – выругалась Джейн. – Ладно, давай возьмем ее с собой.

Держа поводок, я, Джейн и Элли Мэй отправились в город. С каждым новым прохожим Элли Мэй приходила в больший восторг, а из Бостона, Кейпа и бог еще знает откуда прибыл целый остров новых туристов.

Наша компания сидела на траве и ела мороженое. Когда мы подошли, Лекси помахала крошечным пластмассовым флагом, на котором были изображены звезды и полосы.

– Йу-ху, Америка!

– Это была ирония? – спросила Джейн. Она села рядом с Пранавом, чья девушка Сидни еще не пришла, и лучезарно ему улыбнулась.

Хороший знак.

После того как к нам подошли Сидни и еще несколько друзей, мы примкнули к сборищу людей в центре города. Мы

с Джейн разрисовали себе лица: замысловатая черно-серебристая маска вокруг ее глаз и красно-золотистый феникс, загибающийся на мой висок и щеку. Мы наблюдали за игрой в бак-ловушку и соревнованием по поеданию арбузов. Началась водная битва, и над мощеной улицей дугой забили высокие струи. Мы закричали и бросились наутек. Элли Мэй радостно подпрыгнула, а потом стряхнула воду на ничего не подозревающих прохожих.

Когда в городе начался парад, Эван усадил меня к себе на плечи, чтобы было лучше видно. Для опоры я ухватилась за него, весело хохоча, а Пранав точно так же поднял Сидни. Джейн вцепилась в поводок Элли Мэй и посмотрела на Сидни как сияющая звезда, которая вот-вот взорвется. Толпа перед нами представляла собой водоворот из бледно-розовых футболок, мятно-зеленых платьев и лимонно-желтых юбок. Медленно, но целенаправленно люди двигались ярким и радостным потоком. Никогда еще не видела столько парней в шортах с изображением американского флага.

Затем люди перед нами снова расступились, и я увидела на тротуаре Ноя Барбанела, стоящего в кругу других парней и девушек, которые выглядели так, словно их отретушировали богатством. Я первой заметила Ноя, но опередила его всего на секунду. Увидев меня, он замер. На какое-то мгновение мы просто смотрели друг на друга, но потом я проглотила ком в горле и постучала Эвана по плечу.

– Опустись меня?

Эван согнул колени, и я опустила ноги на тротуар, прекрасно зная, что промокли и волосы, и футболка, которая облегала каждый изгиб моего тела. Я была похожа на мокрую крысу. Не совсем так я хотела бы предстать перед своим горячим врагом с острова.

– Ной.

– Эбигейл. – Он перевел взгляд. – Привет, Эван.

– Привет.

Точно. Эван и Ной – богатенькие парни, приезжающие сюда на лето. Конечно, они знакомы.

Пока Эван здоровался с остальными, мы с Ноем продолжали опасливо бросать друг на друга быстрые взгляды. Потом нас снова закружила толпа, но мое сердце продолжало колотиться в груди, как у жертвы, которую преследует хищник.

Я могу помочь тебе, а могу и помешать.

Стелла схватила меня за руку. Сверкающий красно-бело-голубой головной убор, который она закрепила на своей короне из кос, покачнулся.

– Это был Ной? Он классный.

– Слишком богатый, – заметила Лекси, стоящая рядом со своей девушкой. – От него у тебя живот заболит.

– Он же не масло с сахаром, – начала спорить Стелла.

– Это была метафора: отношения с ним не полезны.

– Не уверена, что у тебя получается придумывать метафоры.

У меня получилось успокоить дыхания, пока мои друзья спорили насчет критериев метафоры Лекси. Все нормально. И я в порядке. Я наклонилась к Элли Мэй, которая часто дышала, высунув длинный розовый язык.

– Мы отлично справляемся, девочка. Просто прекрасно. Мы такие спокойные и классные. – Элли гавкнула и обнюхивала мне лицо.

Фу.

– Привет, – раздался за спиной голос Ноя, и я резко обернулась, стирая с лица собачью слюну вместе с красными и золотыми блестками. Ого, я и забыла, что раскрасила лицо.

Ной же, как и всегда, выглядел прекрасно, хотя его кудри вились еще сильнее и нахальнее, чем обычно, словно утро он провел на пляже.

– Нам надо поговорить.

– Я не хочу говорить. – Я посмотрела на друзей, которые ушли вперед, пока я совещалась с Элли Мэй. Мы с Ноем остались наедине в шумной толпе. Вокруг нас продолжались гулянья, и играла музыка, все были так поглощены собственной жизнью, что мы как будто находились в отдельной комнате. В ногу врезался ребенок и посмотрел на меня испуганными глазами, но продолжил идти, подгоняемый своей безразличной матерью. – Ты угрожал мне шантажом.

– Дай мне шанс.

– Зачем мне это делать?

– Потому что я попросил вежливо.

– По-твоему, это вежливо?

Ной поджал губы. А потом глубоко вздохнул.

– Пожалуйста.

Я скрестила руки на прилипшем к телу топики, чувствуя себя беззащитной, и, чтобы скрыть это, продолжила его атаковать.

– О чем ты хочешь поговорить? Снова собираешься приказывать мне не вмешиваться, а я скажу тебе, что не слушаюсь?

– Я хочу объявить перемирие.

– Не знала, что мы воюем.

– А разве нет? – Ной вздохнул. – Давай поговорим там, где нас не будут отвлекать. – Он чуть опустил глаза, а потом отвел их в сторону.

Ной Барбанел только что на меня пялился? Да. Точно пялился. Он думал, что эта мокрая футболка отвлекает.

Я испытала некое подобие удовольствия, совсем не похожего на месть.

Хотя, может, он всего лишь посчитал непрофессиональным разговор с мокрой до нитки девушкой. В любом случае разговоры с ним – плохая идея. Он просто попытается убедить меня не делать то, что я хочу сделать.

– Нет уж.

– Прошу. – Он шагнул ко мне и произнес тише: – Пожалуйста?

Так нечестно! Горячий парень пользуется своей привле-

кательностью.

– Мне нужно вернуться к друзьям. – Я осмотрела толпу, надеясь увидеть высокого Эвана или блестящую повязку Стеллы.

Ной схватил меня за локоть. Теперь мы стояли в опасной близости. Элли Мэй села и запыхтела, глядя на нас.

– Серьезно, чего тебе стоит выслушать меня?

Господи боже. Я чувствую его запах крема от загара и легкий аромат одеколона.

– Для начала, не смей мне угрожать. И не хватай меня за руку.

Он отпустил меня и поднял руки.

– Что еще?

– Хм. – Я покрепче обхватила поводок Элли Мэй и подтянула ее к себе. Мимо прошел ребенок с огромной плюшевой игрушкой и протянул ее Элли, чтобы та понюхала. Я перевела взгляд на автомат, из которого девочка могла ее достать, и балки с кучей плюшевых игрушек.

Я ухмыльнулась Ною.

– Я поговорю с тобой, если выиграешь мне огромного единорога.

– Что?

Я пожала плечами.

– Не я устанавливаю правила.

– Ты только что это сделала.

Я подняла руки ладонями кверху и начала уходить.

Он нагнал меня, окруженный облаком надменности и гордости.

– Я не играю в карнавальные игры.

– Жалко. – Я одарила его тошнотворно-приторной улыбкой. – А я не разговариваю с шантажистами.

Ной прищурился, но потом, к моему изумлению, направился к торговцу.

Я недоуменно моргнула и поплелась за ним.

– Я не... я не серьезно...

– Лучше бы так, черт возьми, и было. – Ной обменял деньги на огромный водный пистолет.

– Нет, я просто сказала так, потому что знала...

– Что я этого не сделаю? – Ной выглядел обиженным. Он приноровился к пистолету, прицелился и промахнулся на целую милю.

Я ничего не смогла с собой поделать и рассмеялась.

Ной обиженно произнес:

– Это сложнее, чем кажется.

– Правда? – Я почесала Элли за ушками. – Кто бы знал.

Он снова прицелился.

Спустя десять минут и кучу выстрелов Ной гордо вручил мне безутешного на вид слона. Он сидел на корточках и смотрел на мир трагичным взглядом. Его брови были опущены, выражая отчаянную безысходность.

Я держала слона на расстоянии вытянутой руки. Сидящая у моих ног Элли выглядела такой же растерянной.

– Это не единорог. Это самый печальный в мире слон.

– О чем ты? – Ной говорил, как великий охотник, убеждающий, что его щедрый подарок не стоит потраченного времени.

– Он такой грустный. Посмотри на него. Последний раз я видела такого грустного слона, когда маму Дамбо заперли в клетке.

– Ему будет еще грустнее, если ты его отвергнешь.

Наверное, это правда. Конечно, нельзя очеловечивать мягкие игрушки, но еще одно жестокое замечание – и этот слон разразится рыданиями.

– Что мне с ним делать? Я не могу круглыми сутками смотреть на печального слона.

– Можешь отдать его ребенку.

– Чтобы ребенок заплакал? – Я прижала игрушку к груди. – Нет.

– Теперь мы можем поговорить?

Ничего не могла с собой поделать – я была очарована его готовностью подчиниться моему нелепому требованию и покорена, с какой серьезностью он играл в игру.

– Ладно. Поговорить можем. Но потом.

– Ты всегда такая требовательная?

– По меньшей мере восемьдесят процентов времени.

Ной покачал головой, но подавить улыбку не смог.

– Тогда завтра.

Я вернулась к своей компании, которая отдыхала в пере-

улке с напитками и жареными пончиками, посыпанными сахаром и корицей. Джейн приняла у меня поводок Элли, пытаясь удержать собаку от поедания ее еды.

– Как прошло?

– А *это* откуда взялось? – Стелла выхватила из моих рук грустного слона. – Он такой печальный. Как будто осиротел или ему сделали клизму.

– Спасибо за наглядный пример, – сказал Эван.

Джейн усмехнулась.

– Это от Ноя?

– Не делай из мухи слона.

– Но это ведь и есть слон.

Оставшийся день наша компания занималась поглощением еды и дурацкими играми. На пикнике семьи Джейн ее дядя готовил бургеры и жарил кукурузу на гриле, а ее младшие кузены бросались водяными шариками. Потом мы пошли посмотреть фейерверк на пляж, усыпанный тысячами туристов и местных жителей. Мы танцевали под музыку из бум-бокса незнакомца. Мы были молодыми, живыми и полными кипучей энергии.

Я сделала снимок и отправила лучшим подругам:

С Днем независимости!! Люблю вас, хотела бы сейчас быть с вами.

Скучаю!!!

Тут же посыпались ответы.

Хейли:

С праздником!!! Люблю вас, девчонки!!!

Нико:

Люблю вас, но хотела бы отметить свою неприязнь к безудержному патриотизму.

Брук:

Принято. И божечки!! Поверить не могу, что пропустила четвертое июля. Соскучилась!!

Щеки болели от того, как широко я улыбалась. Ничто не могло убавить мою любовь к этим девчонкам, сколько бы километров нас ни разделяло.

Засунув телефон в сумку, я вернулась к Джейн и остальным. Мы побежали к океану, когда над нами взорвался фейерверк, и золотистые искры зашипели на фоне черного неба. Огромные красные сферы вытянулись в длинные, выгнутые дугой полосы. Я вдохнула летний соленый воздух, запрокинула голову и засмеялась.

Этой ночью я спала крепко, и мне снилось, что я парю над океаном.

Глава 7

На следующий день я ждала Ноя в небольшой кафешке в центре города. Ресторанчик располагался на цокольном этаже желтого дома в викторианском стиле. Изгородь из бирючины огораживала посетителей, расположившихся на террасе, от суматохи и толкотни людной улицы, а от солнца их укрывали зонтики. Ровно в десять утра я села за столик на улице и принялась с надеждой ждать Ноя.

Через двадцать минут, когда я почти допила горячий шоколад, к моему столику еще раз подошла официантка.

– Желаете что-нибудь еще?

– Уверена, он вот-вот явится.

После того как официантка сочувственно улыбнулась и ушла, я снова проверила телефон, прекрасно осознавая, что за окружающими меня столиками сижу только я. Сообщения не было, а я не хотела писать первой. Это *он* просил меня встретиться. Сам выбрал время и место. И что, теперь он меня кинул? На Нантакете это то же самое, что пригласить девушку на выпускной, а потом ее игнорировать?

Ладно, что уж. Люди постоянно опаздывают и забывают предупреждать. Подожду еще десять минут.

Я утихомирила подпрыгивающую ногу. Удивительно добродушное поведение Ноя по отношению к грустному слону, который сейчас целым и невредимым лежал на моей кровати

вместе с плюшевой лошадью, вызвало у меня надежду, что он перестанет вести себя в духе «помочь или помешать» и «этот остров принадлежит мне». Ничего страшного в разговоре с ним нет. К тому же он реально не может мне помешать. Ной обычный парень, да и власти у него нет.

Верно?

Ной сказал, что хочет обсудить перемирие. Какое еще перемирие он имел в виду?

Ной вбежал в ресторан в 10:26. На нем была облегающая оксфордская рубашка, а волосы тщательно уложены. Во всяком случае, я надеялась, что он специально их уложил. Если он просыпается с такой идеальной прической, то мне с откровенной завистью придется побрить его налысо и, наверное, сохранить локоны себе. Так, себе на заметку: меня завело куда-то не туда, лучше ни с кем не делиться этими мыслями.

Он упал на стул напротив меня.

– Привет.

– У тебя получилось.

– Оу, пассивно-агрессивный аналог «ты опоздал».

Я скрестила на груди руки.

– Договорились. Ты опоздал.

– Помогал пожилой даме перейти улицу.

– Врун. Что это было, странная демонстрация силы?

Ной приподнял бровь.

– Задержался на работе.

– Ты работаешь? – удивление в голосе прозвучало слишком явно.

– А ты думала, что я целыми днями слоняюсь без дела?

– Типа того. К тому же твоя работа завершилась слишком рано. Если только ты не рыбак.

– Я помогаю папе. Он хотел, чтобы я закончил составлять для него отчет.

– Оу. – Мне понравилось, что он помогает семейному бизнесу. – Это мило.

– Да, правда? – в его голосе послышались резкие нотки.

Рядом с нами снова возникла официантка и лучезарно улыбнулась Ною. Видимо, она разделяла мое облегчение, что меня не бросили.

– Готовы?

Ной заказал на завтрак буррито и кофе, а я – блинчики на молоке с ягодами. Как только официантка отошла, Ной глотнул у меня горячего шоколада и скорчил мину.

– Это не кофе.

– Я бы тебе посочувствовала, если бы ты не забрал у меня напиток.

На лице Ноя не было и тени раскаяния.

– Ладно, Эбигейл Шенберг. В чем дело?

– То есть?

– Я ничего о тебе не знаю.

– Вообще-то я тоже о тебе ничего не знаю.

– Кроме того, что уже знаешь, так ведь? Ты приехала на

Нантакет, просочилась в мой дом и сунула нос в жизнь моих бабушки с дедушкой.

– В их жизнь, не в твою. И это очень агрессивный метод перемирия.

Его улыбка снова стала напряженной.

– Считай это предварительным перемирием. Кто ты?

Я смущенно и робко заерзала на стуле. Я думала, мы обсудим письма и наших родственников, а не меня.

– Никто.

Жизнерадостная официантка снова подошла к нам и поставила дымящуюся кружку перед Ноем.

– Ваш кофе!

Он поблагодарил ее и, когда она ушла, снова повернулся ко мне.

– Попробуй еще раз.

– Я серьезно. Не о чем говорить.

– Значит, ты считаешь нормальным проводить лето на небольшом острове, чтобы узнать побольше о прошлом своей семьи? И чтобы убежать от своего бывшего?

– Он тут вообще ни при чем! – выпалила я и с удивлением отметила, что за прошедшую неделю ни разу не вспомнила про Мэтта. – Это вообще не твоё дело.

Ной наклонил стул на двух ножках и, закинув руку на спинку, смерил меня пристальным взглядом.

– Я почти уверен, что теперь наши дела неразрывно связаны.

Я почувствовала, как то ли от гнева, то ли от чего-то еще начинают гореть щеки.

– А что ты хочешь от меня услышать? Никакой выгоды, кроме семейной истории, я не получу. – Я старалась говорить бойко – это один из любимых видов защитного механизма. – Если только мне повезет, я напишу хорошее эссе для поступления в колледж.

Ножки его стула с грохотом приземлились на землю, и Ной в ужасе уставился на меня.

– Ты лезешь к моей семье из-за *эссе в колледж*?

– Нет! Господи! Я лишь говорю, что больше ничего из этого не получу.

– Да твое эссе вообще роли не играет. Только твои оценки и кругозор.

Его слова меня задели, ведь я боялась, что он прав. Да, у меня были хорошие оценки, но они гроша ломаного не стоили, а, присоединившись к какому-нибудь клубу, я разве расширю свой кругозор? Вряд ли. Чтобы убедить колледжи предоставить мне стипендию, я должна написать хорошее эссе.

Поэтому я ужалила его в ответ:

– Неужели? А тут я начинаю прикидывать, сколько денег пожертвовала твоя семья.

Ной резко выпрямился.

– Я поступил в колледж не из-за денег семьи.

– Я такого и не говорила. – Намеренно безразлично я по-

жала плечами. — Хотя мне попадалась статья о том, что некоторые выдающиеся учебные заведения часто принимают детей благотворителей.

— Моя семья жертвует деньги колледжам, в которых они учились. Пожертвования выпускников.

— Верно. — Я с невинным видом вытаращила глаза. — И, я так понимаю, ты поступаешь не в одно из таких заведений?

— Ну ты и... — Ной поджал губы и покачал головой.

Стерва? Зараза? Та еще штучка? Возможно. Я вздохнула.

— Извини. Я не хотела набрасываться на тебя с обвинениями. Ты меня напрягаешь.

— Я напрягаю тебя?

— Да! Я не думала, что встречусь с такой враждебностью, если я загляну в бабушкино прошлое. И я не хотела грубить насчет колледжа. Я... не знаю... нервничаю из-за учебы, поступления и денег. Ты прав. Может, мое эссе вообще не важно. — Я робко и виновато улыбнулась.

Ной не смотрел на меня.

Вот тебе и перемирие. Я опустила глаза.

— Я поступаю в Гарвард, — после длительной паузы произнес Ной. Я оторвала глаза от своей кружки и увидела, что он упрямо смотрит в сторону, а на щеках у него появились два ярко-красных пятна. — Моя семья вносит пожертвования.

Оу. Я наступила на больную мозоль.

— Но у меня правда хорошие отметки. — Наконец Ной снова на меня посмотрел. — Я лучший выпускник.

Ну еще бы.

– Учеба начинается осенью? – в знак примирения спросила я. – Что будешь изучать?

– Экономику.

– Класс. А ты хочешь заниматься... экономикой? – Ого, блестяще. За навыки светской беседы я получу пулитцеровскую премию.

У него дрогнули губы.

– В планах экономика на старших курсах, а потом школа бизнеса.

Да уж, все мои познания о школах бизнеса исходили от старшей кузины Сары в виде ее презрения к учащимся в бизнес-школах, с которыми она знакомилась в Тиндере.

– Выходит, ты хочешь вести бизнес?

– Это своего рода сделка.

С минуту я обдумывала его слова.

– О. То есть... компания твоего отца?..

Ной резко кивнул.

– Хм. – Я попыталась уложить это в голове. Мой жизненный план содержал немного пунктов. Поступить в колледж. Получить диплом. Найти работу. Обеспечивать родителей в старости (и брата, если появится необходимость). – А ты хочешь работать на «Барбанел»?

– Желание тут ни при чем. Я обязан.

– То есть ты ведь не обязан быть обязанным. – Ноя не развеселили мои шарады.

Я медленно сложила дважды два. Эдвард Барбанел, председатель правления, унаследовал фирму от своего отца и к сегодняшнему дню превратил ее в империю. Гарри Барбанел, отец Ноя, сейчас был президентом этой компании. Я моргнула.

– Они ведь не рассчитывают, что ты... – Ной приподнял брови. Я нервно рассмеялась. – Ты же не должен брать на себя бразды правления огромной фирмой, если не хочешь.

– Кто-то же должен.

– У тебя нет кузенов? Братьев? Сестер?

– Нет. – Ной допил кофе. – Шира ближе всех мне по возрасту, но она скорее как младшая сестра. Она хочет изучать морских черепах.

– Морских черепах.

– В Эквадоре. Они находятся на грани вымирания.

Я с минуту переваривала новости о морских черепахах. Бедняжки.

– Хорошо, а остальные твои кузены?

– Ни у кого это не вызывает интереса.

– Так и у тебя тоже не вызывает. Почему такую ответственность возложили на тебя? Ты что, старший сын старшего сына?

На его лице промелькнуло смущение.

Боже мой.

– Это же бред. И несправедливо. По отношению к тебе, конечно, но и что насчет остальных?

Ной отвел взгляд, потом снова посмотрел на меня и упрямо спросил:

– Ладно, а ты что собираешься изучать?

Хорошо, я вела себя слишком настырно.

– Я хочу стать историком, но...

– Что «но»?

– Разве это принесет кому-нибудь пользу? Или историки – это современные Кассандры, обреченные выкрикивать предостережения, на мнение которых пренебрегают?

Ной удивился.

– Ты так считаешь?

– Ну, я считаю, что историки нужны, но еще есть ощущение, словно они твердят: «Вот, так и начинается диктатура»; и все такие: «Класс, понял, давайте оставим ваши слова без внимания». Так чем же поможет профессия историка? Вот тебе что помогает? – Я указала на Ноя. – Ну, помимо богатства и управления своим богатством похвальным способом.

– Вот и я! – У нашего столика появилась веселая и бодрая официантка. – Буррито и блинчики.

– Спасибо, – хором повторили мы.

Она просияла:

– Что-нибудь еще?

Мы покачали головами.

Я откусила от блинчика и выяснила, что он удивительно вкусный и восхитительно пропитан маслом.

– Ого, отменные блинчики!

Ной методично разрезал буррито пополам.

– Что сойдет за похвальный способ?

– Что? А, ты про деньги. Ну ты сам знаешь, пожертвования на всякие похвальные случаи и вещи.

– Какие, например?

Я пожала плечами, размазывая два кусочка блинчика на тарелке по кленовому сиропу.

– Вот ты чем увлечен?

Ной перевел на меня взгляд и легонько улыбнулся.

– Я знаю, что считаю похвальным. Я хотел услышать твою версию.

– Ой. – Я вспыхнула от смущения и на мгновение сосредоточила внимание на еде. Почему я предположила, что он захочет объяснять, как оказывает влияние?

Ной сжалился надо мной.

– Мне нравится Фонд охраны природы Нантакета.

– Да? – Если продолжу задавать вопросы, возможно, мое смущение рассосется. – Почему?

Он пожал плечами.

– Мама работает в Экологическом диалоге, бабушка занимается садом, поэтому, наверное, я всегда был настроен на сохранение окружающей среды. И... моя жизнь – это огромный выброс углекислого газа, а моя семья тратит много природных богатств, так что, думаю, восполнять ущерб – это важно.

Я удивленно на него посмотрела.

– Это хорошо.

Ной засмутился и в забытии уставился вперед. Когда мыслями он вернулся за наш столик, выражение на его лице было непроницаемым. Он наклонился вперед, как шифровщик, столкнувшийся с кодом, который ему никак не взломать.

– Что нужно сделать, чтобы заставить тебя забыть об этом письме?

Я с недоумением посмотрела на Ноя.

– О, я о нем не забуду.

– Почему?

– А почему я должна забыть про него? Как ты смеешь просить меня стереть из памяти историю моей семьи?

– Уверен, есть другие способы разузнать правду. Ты можешь спрашивать кого-нибудь еще.

– Ты так уверен в этом? – Я наклонила голову. – Вряд ли нацисты оставили много выживших, которые могли бы рассказать нам историю.

Ной замер, а потом резко выдохнул.

– Ты шутишь.

Я улыбнулась. Шах и мат!

– Вообще-то нет.

– Это против правил.

– Знаю. – Вот только на самом деле нельзя отказывать тем, кто хочет разузнать о своих выживших бабушках и дедушках. Это что-то вроде бестактности. Я откусила блинчик.

Ной хмуро посмотрел на меня.

– А почему ты ничего о ней не знаешь?

– Она приехала сюда в раннем детстве, поэтому почти ничего не помнила. Мы не знали, откуда она родом – откуда-то из Германии, – и остались ли у нее там в живых родственники. К тому же ей не нравилось говорить даже о том, что она помнила.

Мама утверждает, что большинство выживших не любят вспоминать прошлое.

– Она пережила Холокост?

– Да. Но, если откровенно, ее не обозначали как пережившую Холокост, потому что она не жила в Европе во время войны. Она приехала сюда в четырехлетнем возрасте, как раз перед самым началом войны.

Ной уронил вилку на тарелку.

– Она приехала сюда до войны. Из Германии.

– Ага.

– Со своей семьей?

Его напор почти меня встревожил.

– Нет, ее родители остались. Ее отправили в Нью-Йорк, в другую еврейскую семью, где она должна была жить до восемнадцати лет.

Ной уставился на меня.

– Что?

Повисла странная тишина, когда люди не закончили говорить то, что хотели сказать; тишина, когда тебе приходится

взвешивать, как поступить: настаивать или затаиться. Я положила вилку и посмотрела на Ноя. Стала ждать.

– Моя семья из Нью-Йорка. – Он смотрел прямо мне в глаза. – Они приняли немецкую девочку. Во время войны.

Я чуть не подпрыгнула от чистого удовлетворения, похожего на удовольствие, когда пытаешься сложить мозаику и наконец находишь правильный фрагмент. *«Они приняли немецкую девочку во время войны»*. Конечно, бабушка приехала на Нантакет, потому что семья, с которой она жила, проводила здесь отпуск, и влюбилась в сына хозяев этого дома. Иначе как еще ее фотография оказалась в альбоме?

– Ну, вот и все.

Ной покачал головой.

– Это просто совпадение.

– Нет. Как раз для этого я и приехала. Она выросла в твоей семье. Поэтому ее фотография в одном из ваших альбомов.

– Что? Почему ты не упомянула об этом?

– Я забыла!

Ной сжал переносицу.

– Если она переехала к ним в детстве, значит, они были как брат и сестра.

– Мне неприятно тебя разочаровывать, но братом и сестрой они никогда не были.

Ной наклонился ко мне, словно одна его демонстрация грубой силы могла заставить меня отступить.

– Они вместе выросли. Братья и сестры пишут друг другу

письма.

– Не такие письма. Только не за пределами Вестероса.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Ты могла неправильно их истолковать.

– Черт. Нет. Хочешь сам прочесть?

– Да. Нет. Может быть.

Со своими чувствами пусть разбирается в свободное время.

– Тогда давай спросим твоего дедушку.

– Точно. Давай. Но... – Ной запустил пальцы в свои кудри. – Мы не можем.

– Ты серьезно?

Он потер лоб.

– Слушай. Моя семья тяжело трудилась, чтобы добиться того, что они сейчас...

– Если ты собираешься прочесть лекцию об американской мечте или о том, что в жизни нужно самому пробивать себе дорогу...

– Я про антисемитизм.

– А.

– Да. Люди с радостью нанимали Барбанелов, но не хотели водить с нами дружбу. Мы не были христианами, были недостаточно белыми, нам не доставало слишком многого. Моя семья хлебнула горя, чтобы прижиться на этом острове. Если у моего дедушки был роман, пока он был помолвлен с

бабушкой, то людям лучше не знать об этом. – Ной уронил голову на руки. – А что касается этого странного псевдоинцеста...

– Эй. – Мне стало странно обидно за бабушку. – Это не инцест. Может, они вообще не считали себя братом и сестрой! На самом деле очевидно, что так и было, раз они влюбились. Может, остальные тоже не считали их родственниками. И... я понимаю, что в сороковых и пятидесятых годах такое трудно было принять, но сейчас вряд ли это кого-то волнует.

– Да, но после этого ты покинешь остров, и на тебе это не скажется, согласна? Люди здесь любят скандалы.

– Но в этом скандале нет ничего интересного!

– Боюсь, моя бабушка не согласится с этим.

Я задумалась над его словами.

– Так вот почему ты не хочешь, чтобы я говорила с твоим дедушкой? Потому что считаешь, что твоя бабушка разозлится? Из-за того, что у Эдварда был роман, или из-за того, что другие о нем узнают?

Ной проигнорировал мой вопрос, что, похоже, было ему свойственно.

– Мы можем все разузнать без участия моих бабушки и дедушки. Ты приехала на все лето? Я тебе помогу. И моя помощь будет полезнее разговора с дедушкой. Ты сказала, что твоя бабушка отказывалась рассказывать о своем прошлом? Да. Мои бабушка и дедушка тоже о нем не слишком распространялись.

В этом что-то есть. Я подумала о парне, который писал: *«Минуло слишком много времени с нашей последней встрече»*, но потом вспомнила, что вместе с тем он писал: *«Ты ведешь себя нелепо»*.

– Я могу провести тебя в дом. Я могу предоставить тебе доступ к альбомам. – Ной наклонился ко мне, пригвоздив к стулу взглядом. – Ты же *хочешь* моей помощи, Эбигейл.

Он был прав. А если его бабушка с дедушкой, как мои, откажутся говорить о прошлом? Но так я хотя бы поищу еще фотографии бабушки и посмотрю сад в «Золотых дверях».

«Если ты так сильно скучаешь по розарию, то возвращайся, – писал Э. – Розы в этом году цветут как сумасшедшие, а моя мать посадила новый сорт. Ты же знаешь, как она любит их тебе показывать. Ты же знаешь, как и я люблю видеть тебя в саду...»

Я прочистила горло.

– Но если я спрошу у твоего дедушки...

– Дай мне месяц. Один месяц. А потом можешь с ним поговорить, если у тебя еще останутся вопросы. А тем временем получишь от меня помощь. Я распахну тебе двери.

– Золотые двери?

– Это значит «да»?

– Наверное.

– Хорошо. – Ной улыбнулся, и его улыбка напомнила солнце. Он подцепил вилкой кусочек моего блинчика. – Ты права. Отменные блинчики.

Глава 8

На несколько дней на остров хлынула удушающая жара. Мы с Джейн спали с открытым окном, включив вентилятор между нашими кроватями и положив на лица мокрые полотенца. По возможности старались проводить как можно больше времени на пляже, где стягивали с себя мокрую от пота одежду и отдавались стихии, всецело надеясь, что солнцезащитный крем убережет нас от рака и ожогов. Когда становилось нестерпимо жарко, я плюхалась в воду, смывая с себя пот, грязь и жару. Я дрыгала в воде ногами, плавала и плескалась до изнеможения, а потом снова валилась на полотенце, только чтобы повторить весь цикл сначала.

Работа в книжном магазинчике под кондиционером стала подарком судьбы: заходя с душной улицы, я жадно втягивала в легкие прохладный, пригодный для дыхания воздух. Дорога от дома миссис Хендерсон занимала всего пятнадцать минут, но когда я добиралась до работы, потная одежда всегда прилипала к спине. Покупатели тоже забежали в магазинчик, чтобы спрятаться от разгоряченного воздуха, снова и снова приговаривая: «Как вы, наверное, рады кондиционеру!»

Во вторник, после Дня независимости, мы с Джейн вернулись со своих смен, как вдруг раздался сигнал телефона. Она повернула его экраном ко мне, чтобы я прочитала сообщение от Лекси: «Мы идем купаться голышом. Вы с нами?»

Заедем за вами в любое время».

Когда я посмотрела на Джейн, она сделала восторженное лицо.

– Поедем?

Я никогда не купалась голышом. Но знаете что? Это же лето хуцпы.

– Черт, еще спрашиваешь!

Лекси и Стелла заехали за нами, и мы направились к скрытому в темноте озеру, окруженному деревьями. Складывалось впечатление, что это сообщение разлетелось между всеми парнями и девушками на острове, предупредив их о нашей встрече. На берегу роились толпы людей, которые смеялись и выпивали при лунном свете. Мы с шумом спустились к кромке воды, где тихие волны плескались о берег.

– Давайте сначала махнем по шоту, – сказала Стелла.

– Ты где-то видишь стопки? – спросила Лекси.

– Не будь такой занудой, – сказала Стелла своей девушке и вытащила из своей украшенной яркой вышивкой сумки бутылку с янтарного цвета жидкостью. Лекси простонала, а Джейн засмеялась.

– Что это? – спросила я, желая поучаствовать в шутке.

– Это «Огненный шар» со вкусом корицы, – ответила Джейн.

– Автор многих жарких ночей, – добавила Лекси.

– Не ной, – сказала Стелла. – Обожаю его, очень вкусно. – Она поднесла бутылку ко рту и сделала глоток, а потом пе-

редала мне.

Я осторожно глотнула и закашлялась, когда ликер обжег мне горло. На вкус как корица, сладкий и немного приторный, но напиток понравился мне больше пива.

Сделав еще несколько подходов, мы переглянулись.

– Готовы? – сказала Стелла. – Сделаем это?

Мы кивнули, как солдаты в армии, а потом расхохотались.

– Погнали! – крикнула Лекси, и мы скинули всю нашу одежду, включая футболки и лифчики, и с воплями бросились в воду. Оказавшись в холодном бодрящем озере, мы задергали руками и принялись смеяться.

– Как холодно! – закричала Лекси.

Раньше я никогда не раздевалась на публике и сейчас чувствовала себя одновременно дерзкой и возбужденной, сексуальной и непосредственной, а еще совершенно свободной. На озере было слишком темно, чтобы разглядеть кого-то, кроме подруг. А эти девушки действительно стали ими и знали меня как девчонку, проникавшую в дома миллионеров, купавшуюся голышом и пьющую шоты (типа того). Мне все нравилось. Я плыла на спине, отдавшись дикой природе. В небе сияла убывающая луна, яркая, как уличный фонарь.

– У меня ощущение, что нам стоит произнести заклинания, – сказала Стелла, ее голос был приглушен из-за того, что мне в уши попала вода.

– Какие именно заклинания? – спросила Лекси.

– Здоровье, богатство, счастье.

– Поступление в колледж нашей мечты, – добавила Джейн.

– Мировое господство, – сказала Лекси. – Хуже нынешних лидеров мы не окажемся.

– К тому же я отлично смотрюсь в черном, – усмехнулась Стелла. – Мы стали бы обалденными ведьмами.

– Сегодня такая яркая луна, – прошептала я и опустила ноги на дно. – Я бы наложила заклинание прорицания, чтобы узнать, где потерянное ожерелье моей бабушки.

– А вот сейчас не оглядывайся, – сказала Джейн. – Здесь Ной Барбанел.

– Что? – Я резко повернула голову и оглядела берег. Ной и в самом деле стоял там в огромной компании, которая выглядела суперстильно в своих пастельных одеждах и рубашках поло.

– Я же сказала: *не оглядывайся!*

– Мне конец.

– Скажи честно, с ним хотя бы стоит поцеловаться? – спросила Стелла.

Ну все, я ни за что не вылезу из озера голой на глазах у Ноя Барбанела. Ни за какие коврижки.

– Все, теперь я живу в этом озере.

Джейн ухмыльнулась мне.

– «Каждый день иди на риск»⁶.

– Спасибо, Элеанора, – парировала я.

⁶ Цитата Элеаноры Рузвельт.

Я снова посмотрела на Ноя и чуть не вскрикнула, когда он повернулся прямо в мою сторону. Он тут же меня узнал, потому что замер, наклонился вперед и снова замер. А потом приподнял стакан с пивом, молча мне отсалютовал.

— Ладно, план такой, — сказала я остальным. — Я переплыву озеро. Вы встретите меня на другой стороне, и там я переоденусь.

Джейн посмотрела на смутно различимый в темноте другой конец озера.

— Ну ты и чудила. Нет.

— Можешь выйти и передать мне полотенце?

— Тоже нет. Не давай слабинку. Ты должна это сделать.

— Что именно? Замерзнуть и голой и мокрой предстать перед Ноем Барбанелом?

Стелла захихикала.

— Я тебя ненавижу, — сказала я и плеснула ей в лицо воду. Ее макияж каким-то чудом не смазался. — Разве это не странно? Кучка парней стоит на берегу одетыми, а мы голые в воде?

— Вообще-то в озере полно голых парней, а на пляже — одетых девчонок, — заметила Джейн.

— Верно. Ясно. Что мне делать?

Мне так и не удалось проработать стратегию, потому что с берега я слышала свое имя, произнесенное низким изумленным тоном.

— Эй, Шенберг, — позвал Ной. — Как водичка?

Ладно. Попробую. Я повернула к берегу, ради безопасности держа подбородок и все, что ниже, под водой.

– Отличная, – крикнула я в ответ. – Присоединишься?

– Не. – Ной пожал плечами, едва сдерживая ухмылку. – Думаю, останусь на берегу. Полюбуюсь видом.

Подруги прыснули со смеху и начали грести по-собачьи.

– Вы на *моей* стороне, – прошипела я им вслед, а потом сказала громче Ной: – Трус.

– Правда? А ты? Долго планируешь там просидеть?

– Возможно.

Ной вошел в воду, стягивая с себя рубашку.

– Что ты делаешь? – взвизгнула я.

Он скомкал ее в клубок.

– Лови.

К моему величайшему удивлению, я поймала. Ной отвернулся и направился обратно к друзьям.

Держа его рубашку над водой, я смотрела, как он уходит. Что с ним такое? Он мог бросить меня на произвол судьбы. Он мог смутить меня еще сильнее или просто проигнорировать.

Неужели Ной пытался сберечь мое гипотетическое целомудрие? Которому, если честно, я была рада, потому что оказалась совсем не готова последовать совету Джейн. Я повернулась спиной к пляжу и быстро натянула рубашку. Убедившись, что Ной вернулся к своим друзьям и не смотрит, я рванула на берег и натянула низ от купальника, а потом точно

так же осторожно под его рубашкой надела верх.

Мне надо снять его рубашку и надеть свою футболку. Определенно надо. Но летние ночи не для этого предназначены.

Я подняла голову и снова посмотрела на Ноя. Минуты не прошло, как он бросил взгляд в мою сторону (то есть время от времени он кидал на меня взгляды, пока я неуклюже одевалась? Надеюсь, нет!). Спустя мгновение он подошел.

– Не ожидал от тебя такого.

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего. – Я услышала улыбку в его голосе. – Подумал, ты все лето будешь строить из себя Нэнси Дрю. Разве это не напрасная трата времени?

– Говорят, молодость бывает только раз. – Я потянула за край его рубашки и бросила взгляд на толпу, из которой он вышел. – Это твои друзья?

– Да. – Наверное, я скорчила гримасу, потому что Ной вдруг прищурился. – Что?

– Ничего. Они... – все как на подбор однотипные и точечку, – милые.

– У тебя ужасно получается изображать безразличие.

Я знала, что стоит держать рот на замке, но хотелось его уколоть, смутить, как он сделал со мной.

– Вся эта энергетика Нантакета немного консервативнее, чем я привыкла.

– Потому что ты не ожидала, что Нантакет окажется та-

ким стереотипным, – сухо ответил Ной, и я не удержалась от улыбки. – Нравится же тебе придирааться.

– А остальным нет?

– Я стараюсь не судить строго, пока не узнаю человека, – беззлобно сказал Ной.

Господи боже.

– Ну, значит, ты лучше меня.

Ной ухмыльнулся.

– И, да будет тебе известно, консервативность – это очень по-еврейски на самом деле.

– Слабо верится.

– Ральф Лорен учился в ешиве⁷.

– Не было такого.

– Его родители хотели, чтобы он стал раввином. Его настоящее имя – Лифшиц.

Я засмеялась.

– Ты только что это придумал.

– Погугли.

– Обязательно. – Я снова бросила взгляд на его друзей, на их загорелую кожу и светлые волосы. – Значит, ты утверждаешь, что являешься консерватором, потому что ты еврей, а не потому что пытаешься влиться в элиту Нантакета?

Ной насмешливо улыбнулся.

– Да, я хотел сказать, что на Нантакете проще быть консерватором.

⁷ Ешива – еврейское религиозное учебное заведение.

– Проще? Почему?

– Ты и сама знаешь. Удобнее.

Я внимательно посмотрела на него, наклонив голову. Мы находились в своем маленьком мирке, над нашими головами сияла луна, и от купания в озере я будто заново родилась, а кожа стала шелковистой.

– То есть ты специально одеваешься консервативно, чтобы вписаться в тусовку?

Ной тоже посмотрел на своих друзей, а потом на меня.

– Да, немного. Не в плохом смысле – это меня не напрягает. Но, конечно, за последние пару лет я заметил, что здесь все иначе, чем дома, и легче не выделяться. Да, звучит тупо.

– Звучит реально. – Я задумалась. – Как выделяться?

– О, ну знаешь, – слабо улыбаясь, продолжил Ной. – В Нью-Йорке мне вообще не приходится думать о том, как должен вести себя еврей. Никто и глазом не моргнет, если ты помянешь Соломона Шехтера или Симхат Тора, или еврейский общинный центр. Если не хочу, я не должен представлять иудаизм или даже вообще быть иудеем из-за того, что так поступают остальные, и я могу быть неверующим и участвовать в критических обсуждениях. Порой здесь мне приходится чаще об этом задумываться, чтобы своими поступками не добавлять нежелательных стереотипов. – Ной посмотрел на меня. – Ты меня понимаешь?

В моем городе еврейская община была такой небольшой, что мои впечатления отличались от ощущений Ноя. Я нико-

гда не чувствовала себя окруженной еврейскими общинами или определенными условиями, но притом у меня ни разу не возникло чувства, что я обязана представлять иудаизм. Мы следовали своей вере в кругу семьи. Но, возможно, это облегчало задачу, ведь я никогда не чувствовала, что вообще должна что-то представлять.

– Немного. Это подавляет.

– Наверное. Не знаю. В детстве я не задумывался над этим. Я просто был счастлив сюда вернуться, сбежать из города и плавать или кататься на лодке. Но теперь... – Ной пожал плечами. – Мою семью очень волнует наш облик. Я не хочу их нервировать.

Оу.

– Вот почему ты так беспокоишься, что у твоего деда и моей бабушки мог быть роман?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.